

Вне
закона

ОН ВСЕГДА
СТРЕЛЯЕТ ПЕРВЫМ

СЕРГЕЙ

Кулаков

СТАЛКЕР ИЗ ГРУ

Сергей Кулаков
Сталкер из ГРУ

«ЭКСМО»

2005

Кулаков С. Ф.

Сталкер из ГРУ / С. Ф. Кулаков — «Эксмо», 2005

Чем больше шума, тем лучше – одна из заповедей терроризма. А уж если захватить целый поселок, объявить его независимым от России да пройтись рейдом по окрестностям, уничтожая все живое... Шуму будет много, на что и рассчитывают люди, запустившие этот план в действие. Стекаются в поселок тайными тропами боевики-мусульмане, а несколько особенно отчаянных шахидов освобождают из тюрьмы знаменитого полевого командира. Все идет как по маслу, но тут в поселке появляется майор ГРУ Алексей Гришин – внешне тихий и незаметный человек. И сразу же в хорошо отлаженном механизме машины террора начинаются сбои. А майор всего-навсего сходил на городскую свалку. Правда, с риском для жизни...

© Кулаков С. Ф., 2005

© Эксмо, 2005

Содержание

Часть первая	5
13 июля 2003 г., Верхнеозерск	5
11 июня 2003 г., Лондон	16
12 июня 2003 г., Подмосковье	22
24 июня 2003 г., Москва	27
16 июня 2003 г., Лион	32
25 июня 2003 г., Москва	37
26 июня 2003 г., Москва	44
Начало июля 2003 года	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Сергей Кулаков

Сталкер из ГРУ

*Все события, изложенные в романе, являются вымышленными.
Сходство персонажей с лицами, реально существующими, случайно.*

Часть первая

13 июля 2003 г., Верхнеозерск

День удался на славу. С утра Сережа быстренько сбегал к своему старому знакомому, известному на весь район поставщику травки и, для надежных клиентов, более тяжелой дури, принес две дозы себе и коробок марихуаны для Наташи. Пока он готовил «вмазку», она быстро набила косячок и с наслаждением принялась глотать сладкий дым, от которого сразу становилось легко, словно за спиной выросли два больших белых крыла. Чтобы не видеть, как Сережа перетягивает себе руку резиновым жгутом и целится в вену иглой шприца, Наташа ушла в ванную – освежиться после жаркой во всех отношениях ночи.

Потом они позавтракали, захватили пляжные принадлежности и поехали на озеро, выполняя намеченный вчера план. А в городе днем все равно делать нечего, разве что тупо пялиться в телик и подыхать от жары. А так каких-то полчаса езды на автобусе, потом десять минут ходьбы по тенистому леску – и вот она, ласковая голубая благодать. Правда, казалось, что весь город вывалил свои бледные дряблые тела на прибрежный песок. А вода просто кишела купальщиками. Но Сережа сказал, что знает хорошее местечко, где никого нет, и они гордо прошли мимо общего пляжа, где не то что полотенце расстелить – ногу поставить было некуда.

До «хорошего местечка» в обход по озеру пришлось идти добрых полчаса, продираясь время от времени через густой кустарник. Сереже хоть бы что, после «вмазки» он был в таком кайфовом настроении, что никакие трудности не могли его омрачить. А Наташе пришлось несладко. Пока дошли, она все ноги исхлестала о траву и ветки, а майка промокла насквозь. Но, когда все-таки пришли, оказалось, что мучилась не зря. Изумрудная полянка, плавно спускавшаяся к озеру, была плотно прикрыта от посторонних глаз кустами, вокруг ни одной живой души, и в кронах деревьев весело щебечут птицы. Райское местечко. Сережа тут же скинул с себя всю одежду и нагишом бросился в воду, предлагая Наташе последовать его примеру, что она с удовольствием и исполнила, благо фигура у нее была в полном порядке. Целый час они резвились в озерной зеленоватой воде, сверху молочно теплой, а снизу, у дна, холодной, ключевой. Сережа даже сплавал далеко в камыши – Наташа не отважилась последовать за ним, боясь змеящихся по голому телу стеблей, – и притащил ей целую охапку белых кувшинок. Она соорудила из них им обоим венки, а себе еще и роскошные бусы. Смотрелось, между прочим, очень красиво: нежно-белые лепестки между двух розовых кораллов. Сереже так понравилось, что он тут же, потемнев глазами, потянулся к ней горячим телом... Потом они снова купались, ели бутерброды и фрукты, дремали под солнцем, болтали, купались, курили травку – словом, удовольствий было выше крыши.

Когда солнце стало закатываться за деревья противоположного берега, вдруг до того расхотелось возвращаться в пыльный скучный город, что хоть плачь. Сережа предложил остаться ночевать. А почему нет? Ночи сейчас теплые, и костерок можно развести. К тому же Наташа набрала с собой столько съестных припасов, что их хватит на неделю, не то что на два дня.

Дозу себе на утро и шприц он захватил, так что в городе совсем делать нечего. Так и решили. Весь вечер плескались в теплой воде, добирая до конца дневные удовольствия. Потом Сережа наломал в кустах хвороста, и они разожгли небольшой уютный костерок...

Сумерки сгустились внезапно, за кольцом света от костра – ни зги не видать. Хворост вскоре закончился, и огонек печально затух, рдея в темноте малиновыми угольками. Искать топливо в этой мгле было бесполезно, а на ощупь не больно-то много найдешь. От озера потянуло острым холодком, и Наташа накинула на плечи полотенце. Вдобавок воздух наполнился комариным зудением – а это был уже настоящий кошмар для голых рук и ног. Чудный день исчез без следа, обратившись в ужасную бесконечную ночь. Все автобусы давно ушли, а пешком до города далеко, хорошо, если к утру доберешься. Оставалось сидеть на этой жуткой черной поляне и ждать восхода. Тоска неопишуемая. Тут уж накуривайся травкой хоть до тошноты, веселей не станет.

А Сереже было хоть бы хны. Он только посмеивался и звонко шлепал на себе комаров. Видя Наташины мучения, отломил ей несколько пушистых веточек и велел обмахиваться. Но сколько ни маши, комаров меньше не становилось. Ноги, которых было особенно жаль, они просто поедом ели. Наташа уж и укутала их в Сережино полотенце, да где там уберечься. Проклятый гнус жег со всех сторон. В конце концов Наташа не выдержала и вскочила, яростно отмахиваясь двумя полотенцами.

– Пойдем отсюда куда-нибудь! – закричала она, и ее голос далеким пугающим эхом разнесся по озеру.

– А куда мы пойдем? – равнодушно спросил Сережа, осторожно, не отрывая губ, докуривая в кулаке последний косячок.

– Да хоть куда! Я не могу тут сидеть как комариный донор, они меня к утру совсем сожрут...

– Да? А меня вот почти не трогают...

«Ты их просто не чувствуешь, наркоман чертов, – со злостью подумала Наташа, сдерживаясь из последних сил. – Надо быть такой дурой, чтобы остаться тут на ночь. Завтра, если доживу, я буду просто страшилищем. Придется две недели дома сидеть, пока все волдыри сойдут. Вот тебе и отдохнула денек на природе. Ленка обхохочется, когда узнает...»

Вышла луна, залила озеро и кусты беловатым, жутким светом. Заорали лягушки, где-то сильно плеснуло, недобро шумели вокруг деревьев. Так и казалось, что из воды и кустов сейчас полезет всякая нечисть. Наташа зябко передернула плечами, с ненавистью глянула на блаженствующего приятеля, который, лежа на траве, наслаждался каждой затяжкой.

– Ты, если хочешь, оставайся, а я пойду. Все равно куда, лишь бы подальше от воды, где нет комаров. Посижу на остановке, может, кто-нибудь будет ехать в город, подберет...

– Ната-аш, – протянул Сережа, – ну че ты шумишь... Хочешь добить?

Он протянул ей окурок, придурковато улыбаясь. Его бледное лицо вдруг показалось ей оскаленным черепом. Наташа стиснула зубы:

– Нет, хватит на сегодня этого дерьма. Все, я ухожу.

– Да подожди. – Сережа легко поднялся, крепко обнял ее за плечо.

Сразу стало спокойнее, и она невольно прижалась к нему.

– Ну, чего ты, девочка моя? Плохо тебе здесь? Ладно, сейчас что-нибудь придумаем. – Он нежно погладил ей волосы, поцеловал в висок. – Тут неподалеку дачный поселок, попросимся на ночлег. Или найдем пустой дом и поспим до утра. А утром все будет хорошо, поверь мне...

Так бы слушала и слушала. Все-таки Сережа человек надежный. Если бы не занимался этой ерундой с героином, ему бы цены не было. Но пристрастились дружки-подонки... Однако Наташа непоколебимо верила, что сумеет его от этой напасти отвадить. Пока, чтобы он ей доверял, и сама травку покуривала, зная, что в любой момент может легко это дурацкое занятие бросить. Только бы он остался с ней и надел заветное колечко. А там она за него поборется,

будьте уверены. Тем более что он не так уж сильно втянут, раньше по две недели обходился – и все нормально. Последнее время, правда, стал колотиться чаще, и доза увеличилась. Но Наташа не пугалась трудностей. Что-что, а характер у нее был твердый, это знали все.

– Ну, собирайся, и пошли, – скомандовал Сережа. – Сейчас устроимся в лучшем виде. А утром снова сюда, да? Лучшего места не найти.

«Утром на автобус и домой, – молча возразила Наташа, забирая сумку и полотенца. – Там сразу в ванну, а потом кремом, кремом... В другой раз такой дурой не буду. Хоть бы палатка какая была...»

Сережа тем временем схватил ее руку и потащил девушку за собой, с шумом сокрушая кусты. Ничего не видя, кое-как прикрывая глаза от хлещущих веток, Наташа брела за ним через кустарник, то и дело опасаясь свалиться в какую-нибудь яму или напороться животом на острый сук. Однако все обошлось. Без потерь продравшись сквозь кусты, они вышли на проселочную дорогу, мягкую от пыли. Увидев блеснувший впереди огонек электричества, Наташа мгновенно ободрилась. Значит, дачный поселок не обман, и жизнь продолжается. Она отцепилась от Сережиной руки, вручила ему увесистую сумку и пошла по соседней колее, радуясь возможности идти по открытому пространству.

– А если никто нас не пустит на ночлег? – спросила она.

– Я же тебе говорил: найдем пустой дом и переночуем, – беспечно отозвался Сережа. – Никаких проблем.

– А как мы в него влезем? Он же будет закрыт, – не отставала Наташа.

– Я что-нибудь придумаю, – расплывчато пообещал Сережа.

Ответ Наташу не удовлетворил, и тревога вновь начала наполнять ее сердце. Зря не уехали в город, ой зря...

– Смотри, вот подходящий домишко, – сказал вдруг Сережа.

Он указал на небольшой кирпичный домик под высокой островерхой крышей. Два его небольших оконца были темны, собаки, которой Наташа боялась больше всего, не слышно. Сережа, перекинув руку, уже открывал изнутри калитку. Наташа беспомощно оглянулась вокруг. Огонька, вселившего в нее надежду, нигде не видать, вокруг полная темнота, лишь видны смутные тени соседних, редко разбросанных домов. Куда податься? Поди допросись тут у кого на ночлег. Или спустят собаку, или, в лучшем случае, матом обложат. Наш народ не любит, когда его тревожат на ночь глядя.

– Пошли, – почему-то шепотом сказал Сережа. – Иди за мной.

– Ты сходи сам... – тоже шепотом возразила Наташа. – Я подожду.

– Ладно, стой тут и никого не бойся, – кивнул Сережа. – Я быстро.

Она осталась у калитки, а он пошел к дому, стоящему метрах в десяти от забора, прямо у черной стены лесного кустарника.

«Место какое-то бандитское, – думала Наташа, чутко прислушиваясь к каждому звуку. – На отшибе, возле самого леса. Надо было пройти дальше, в глубь поселка. Хотя никакого поселка нет, разбросаны там-сям несколько дачных домиков, вот и весь поселок. Следовало сразу двигать на остановку, могли бы поймать попутку до города. А теперь зашли к черту на кулички, до остановки пока доплетемся, будет глухая ночь. Вот так попали. Сама виновата, дура, надо было думать...»

От дома послышался резкий стук – Наташа, едва не присев от страха, уставилась в темноту, силясь разглядеть, что там делает Сережа.

– Эй, есть кто дома? – беззаботно закричал он, бухая кулаком в дверь.

«Зачем так орать! – испугалась Наташа. – Сейчас с топором выскочат».

Сережа постучал еще. Судя по ответной тишине, дверь отворять никто не торопился. Окна по-прежнему были темны, хоть бы лучик мелькнул.

– Наташа, иди сюда, – громко позвал Сережа. – Тут никого нет.

Она вошла в калитку и опасно приблизилась к дому, все еще ожидая неприятностей от выходки Сережи. Но нет, вроде все обошлось.

– Нам повезло, – весело сказал Сережа, – хозяев нет, сторожа тоже.

– А как ты попадешь в дом? – неуверенно спросила Наташа.

– Пять сек! Тут рамы одинарные, а стекла крепятся снаружи, я уже посмотрел. Отогнем гвоздики, аккуратно достанем стекло – и все, вход свободен. Элементарно...

– Где ты научился таким штучкам? – Его компетентность в этой области ей не понравилась. – Детективов начитался?

– Было дело, – засмеялся Сережа, вынимая из сумки складной нож.

«Хвастун, – неприязненно подумала Наташа. – Все мужики одинаковые. Чем по чужим домам лазить, лучше бы машину починил. Были бы на колесах, как нормальные люди, сидели бы давно дома».

Сережа тем временем позвякивал ножом у окна. Наташа чутко поводила головой, готовая задать стрекача при малейшей опасности. Оптимизм Сережи ей никак не передавался, бабье сердце чуяло беду... Да еще число это тринадцатое, зловещее. И чего дома не сиделось?..

– Готово, – сказал Сережа, ныряя головой в проделанную дыру.

Наташа подошла ближе, наблюдая за тем, как, извиваясь, он исчезает в черном проеме. Втянул ноги, сполз там на пол, повернулся и высунул к ней улыбающееся лицо.

– Давай руку, – предложил он, – я тебе помогу залезть. Только не разбей стекло, оно внизу, я его утром назад вставлю...

– Может, ты лучше откроешь мне дверь? – съязвила она.

– Там снаружи навесной замок, – возразил Сережа. – Так что только через окно. Да не бойся, считай, что это маленькая дверь...

– А если мне захочется пи-пи? Как прикажете выходить? В окно?

– Ну да, об этом я не подумал, мне-то легче... А ты сейчас пописай, – рассмеялся он. – Чтoб потом не бегать.

Наташа хоть и рассердилась на его дурацкий смех, но совету вняла и сходила за угол, обстрекав лодыжки крапивой. Надо сказать, что вокруг дома росла одна сорная трава, это Наташа заметила даже в темноте, и никакого намека на огород – усладу дачника – здесь не было и в помине. Похоже, домик недавно построили и еще не успели обжить.

– Ну, залезай, – поторопил Сережа. – Ты знаешь, я проверил, тут даже электричество еще не проведено, так что будем располагаться в темноте.

– Кто бы сомневался, – не удержалась Наташа, протискиваясь в окно.

Все-таки тусклый лунный свет кое-как освещал внутренность домика, и они смогли без труда найти три дощатых топчана у стены, крытых бугристыми матрасами и байковыми одеялами.

– Нормально, – наслаждался приключением Сережа, – лучше не придумать. До утра поспим, как люди.

– Надо дырку чем-то завесить, а то комары налетят, – радуясь крыше над головой и подобию цивилизованной кровати, сказала Наташа.

Проем в раме Сережа ловко заделал полотенцем, и они сразу же, по просьбе Наташи, легли спать, каждый на свой топчан. Наташа так устала, что, опустив голову на сбитую в кирпич подушку, сразу забылась в блаженной истоме. Наконец-то можно по-человечески отдохнуть...

Но, едва начав разглядывать какой-то чудесный, цветистый сон, она с ужасом услышала самый страшный ночной звук – комариное гудение. Вот черт, и тут достали! Никакого спасения. С трудом вылезая из сладкой дремотной тины, Наташа накрылась с головой одеялом. Лучше задохнуться от жары, чем позволить этим тварям искушать себя. Но странный басовитый гул слышался и под одеялом. Что за ерунда! Наташа рывком сбросила жаркое одеяло, приподняла голову. Нет, это не комар. Где-то рядом гудел двигатель машины. Совсем рядом.

Наташа сбросила ноги, глянула в окно. Вдоль забора проплыли фары, показался темный силуэт легкового автомобиля – и тут же свет фар погас и затих двигатель. Машина остановилась прямо возле их дома. У Наташи пересохло во рту. Три черные тени выбрались из машины и подошли к калитке. Звякнула щеколда. Люди молчали – и от этого Наташе стало совсем жутко. Машина тем временем развернулась и ушла обратно. Люди вошли в калитку и двинулись к дому, черные, молчаливые, страшные до обморока. Наташа опомнилась и метнулась к Сереже. Закрыв ему рот взмокшей ладонью, чтоб не закричал спросонья, принялась тормозить, шепча в ухо: «Сережа, просыпайся! Просыпайся!»

Сережа заворочался, замычал неразборчиво... Наташа сильнее вдавила ладонь, умоляя: «Тише, тише!» и ловя ухом каждый шорох снаружи. Люди не спешили, – видно, тоже перед сном делали пи-пи. Сережа наконец очнулся, схватился за Наташину кисть, отодвигая ото рта.

– Что случилось? – догадливо прошептал он.

– Сюда приехали какие-то люди, – зашептала Наташа. – Они уже во дворе. Трое мужиков, страшные такие... Сережа, надо удирать...

– Да ничего, скажем, что только на ночевку залезли, тут же красть нечего, да и на грабителей мы не похожи... – не понял он ее страха.

– Сережа, я боюсь... – забилась Наташа в истерике. – Придумай что-нибудь... Быстрее... Иначе они нас увидят...

– Давай в окно, – подхватился Сережа. – Вылезем втихую – и ходу.

Он сунулся было к окну, но тут же подался обратно, едва не сбив Наташу с ног. Черные тени снаружи соединились и молча двинулись к двери. Наташа, прижимаясь к спине Сережи, ощутила, как под майкой жарко взмокла его спина. Было что-то в этих ночных людях такое, от чего и он проникся мгновенным неконтролируемым страхом.

– Полезли на второй этаж, – отчаянно прошептал он.

Наташа, лихорадочно соображая, подхватила босоножки, сумку и вслед за Сережей по узкой крутой лесенке стала карабкаться на второй этаж, сбивая голые пальцы ног об острые углы ступеней. Послышался приглушенный металлический стук снимаемого замка. Быстрее!

Едва они заскочили наверх, в дом вошли гости. По новым деревянным половицам забухали тяжелые шаги, скрипнув, затворилась дверь, звякнул железный крюк, которым дверь запиралась изнутри. Люди по-прежнему молчали, и от этого было страшно втройне. Наташа вцепилась в руку Сережи и едва сдерживала знобящую дрожь. Похоже, он чувствовал себя не намного увереннее. Только бы дожить до утра, билась в ее голове единственная ясная мысль. При дневном свете все будет выглядеть совсем иначе. Возможно, и люди эти окажутся не такими страшными. Господи, кем они могут быть? А может, это обычные строители-шабашники? Строят где-то неподалеку дом, а живут здесь, чтоб далеко не ездить. Хозяин привез их на ночлег, а сам быстренько уехал в город. Мужики напахались за день на жаре, вот и молчат без сил. Думают только о том, чтоб скорей голову приклонить. И плевать им на двух заплутавших туристов, у них своих забот хватает. Чем сидеть и дрожать на этом чердаке, где не видно даже лиц друг друга, лучше спуститься вниз и все рассказать. Не звери ведь, не съедят. Смотришь, еще и пожалеют, оставят поспать до утра.

Вдруг по стене пробежал узкий луч электрического фонарика – и Наташа отпрянула назад. Было что-то зловещее в этом безмолвном луче. Люди внизу хранили упорное молчание. Прошло несколько секунд – ни единого звука снизу. Казалось, там никого нет. Наташа затаила дыхание. Хоть бы одним глазком увидеть, что там происходит. И вдруг она поняла! Эти люди увидели полотенце на окне, не нашли стекла в раме и поняли, что в их доме кто-то побывал. И постели нарушены, до прихода чужаков они были хоть и небрежно, но застелены. И сейчас они это бесшумно между собой обсуждают. Но почему бесшумно? Может, они глухонемые? Бригада глухонемых шабашников. Если такое может быть – боже, сделай, чтобы оно так и было. А после, когда выберемся, мы будем долго смеяться. Нашли дом – а в нем одни немые. Умора...

«Никакие они не глухонемые», – осенило Наташу. Глухонемые не слышат – и потому не обращают внимания на шум, который они производят. А люди внизу двигались совершенно бесшумно – и делали это намеренно. Намеренно и привычно. А значит, и вовсе они не строители. И тот страх, который изначально испытала Наташа при их виде, не был ошибочным. Она инстинктивно почуяла, что от них исходит угроза, как от лесных хищников. Стоило только увидеть, как, крадучись, они заходят в калитку, – и все было понятно. Безобидные люди так не крадутся.

Отступивший на минуту ужас вновь сдавил сердце ледяным обручем. Внизу послышался тихий скрип. Наташа до боли сжала руку Сережи. Он пытался ответным поглаживанием ее успокоить, но у него самого руки были холодны и заметно подрагивали. Наверное, его посетили схожие мысли. Во всяком случае, желания спускаться он пока не выказывал.

Но люди внизу и не ждали их добровольного появления. Заскрипели ступеньки лестницы – наверх кто-то поднимался. Несчастливая парочка если бы и хотела, то не смогла бы двинуться с места. Поднимающийся из черного провала человек внушал им едва ли не мистический ужас, от которого немели руки и ноги. В какой-то обморочный миг Наташе показалось, что и этот темный чердак, и люди внизу, и ее страх – все это лишь кошмарный сон, который мгновенно закончится, стоит только встряхнуться и лечь на другой бок... Но тут из темного проема выскочил кинжальный луч фонаря и ослепительно ударил ей в лицо. По-детски пискнув, она зажмурилась и закрыла лицо руками. Луч света убежал в сторону, обыскивая все углы чердака, затем снова поочередно осветил Наташу и ее спутника, быстро и бесцеремонно бегая по лицам.

– Спускайтесь вниз, – проскрежетал грубый, лишенный эмоций голос.

Не подчиниться этому приказу было невозможно. Цепляясь за плечо Сережи, Наташа полезла вниз. Луч фонаря упорно светил в лицо, так что двигаться приходилось исключительно ощупью. Когда ее голова оказалась ниже уровня потолка, снизу к первому фонарю присоединился второй, помощнее, отчего Наташа крепко зажмурилась, предпочитая совсем ничего не видеть, нежели терпеть это издевательство. Но все равно сквозь сжатые веки болезненно и неотрывно светило ярко-красным – и Наташа не выдержала.

– Да уберите фонари! – крикнула она, почувствовав под ногами пол.

Сейчас же что-то твердое резко ткнуло ей в солнечное сплетение. Разинув рот от боли и невозможности вдохнуть, она схватилась обеими руками за живот и, теряя сознание, по шершавой стене осела вниз.

– Наташа! – вскрикнул Сережа, ничего не видя в слепящих лучах, но по исчезновению руки Наташи с его плеча догадываясь, что с ней что-то произошло. Больше он ничего сказать, а тем паче сделать, не успел, ибо жесткая рука сдавила ему горло так, что хрустнул кадык.

Наташа хотела ему ответить сквозь звон в ушах – и не могла, парализованная острой болью и невозможностью дышать. Лишь сипела что-то неразборчиво, а что – сама не могла понять. Казалось, глотнуть бы воздуха рвущимися легкими – и другого счастья не надо.

Невидимые за световым барьером люди перебросились отрывистыми непонятными словами. На головы пленникам надели непроницаемые полиэтиленовые мешки. Сережа, понимая, что лучше подчиниться, не стал и пытаться его скинуть. Наташа если бы и хотела, то не имела сил.

– Кто такие? – спросил голос, от которого хотелось зарыться в землю.

Рука, сдавившая горло, чуть разжалась, давая возможность говорить.

– Загорали мы здесь, – прошептал Сережа. – Остались ночевать на озере, потом стало холодно, решили переночевать в этом доме...

– Почему в этом? – немедленно отреагировал невидимый голос.

– Потому что первый попавшийся... Я увидел, что никого нет, ну, вынул стекло из рамы и залез. Да мы до утра только хотели остаться... Мы же ничего не взяли, мы не воры, поверьте... – Голос Сережи дрожал от страха и несбыточной надежды на спасение, и Наташа, которая под

своим мешком начала понемногу дышать, испытала к нему острое чувство материнской жалости.

– Кто вас послал? – спросил голос, нисколько не смягченный его лепетом. – На кого вы работаете?

– Господи, да ни на кого мы не работаем, – хотел было закричать Сережа, но тут же захрипел, придушенный безжалостной рукой. – Мы сами по себе... Загорали на озере... Поверьте, мы обычные люди и в ваш дом попали случайно... Да я вообще наркоман, вы посмотрите, в сумке лежат шприц и доза, и вены у меня исколоты...

Наташа по звукам поняла, что невидимые изверги обыскивают сумку и осматривают Сережины руки. Затем они обменялись быстрыми фразами на том же непонятном гортанном языке. И вслед за тем она услышала короткий резкий хруст. Что-то тяжелое глухо ударилось об пол возле ее ног. Машинально протянув руку, она нащупала чье-то тело. Господи, это Сережа! Не шевелится! Они его убили...

Сильные руки подхватили ее сзади под мышки, больно и бесцеремонно вдавливаясь пальцами в боковое окружье груди, поставили на ноги. Под подбородок просунулась жесткая ладонь, клещами охватила горло.

– Твой друг правду сказал? – без единой интонации спросил голос.

– Сволочи, что мы вам плохого сделали? – зарычала Наташа, от боли, обиды и ярости утрачивая чувство самосохранения. – Если вы его убили, я все расскажу в милиции...

Послышалась короткая команда-междометие. Ее голова вдруг резко завернулась влево, послышался характерный сухой треск сломанных шейных позвонков – и второе мертвое тело мягко повалилось на первое.

Через сорок минут к городской свалке со стороны леса подъехал темный автомобиль. Из него выбрались двое широкоплечих мужчин. Неторопливо осмотревшись, они открыли багажник, вытащили из него два трупа, мужской и женский, и поочередно, за руки и за ноги, отнесли к подножию большого холма из трамбованного бульдозерами мусора. Один остался дежурить возле машины, которая стояла несколько поодаль от трупов, второй направился разыскивать местных обитателей. Судя по тому, что вели себя эти люди чрезвычайно спокойно, хотя ночная свалка считалась опаснейшим местом для незваных гостей, в особенности ночью, можно было сделать вывод об их немалой опытности в подобного рода делах.

Тот, что остался возле машины, потоптавшись, уселся в салон и закурил, пряча в руке огонек сигареты. Чутким ухом лесного зверя он прислушивался к ночным звукам. Пока все было тихо. Ничего. Предмет беспокойства, вернее, два предмета скоро будут погребены в этих бесконечных мусорных завалах, и никто никогда их тут не разыщет. Конечно, можно было утопить трупы в озере, с тяжелым грузом в полиэтиленовых мешках они никогда не всплыли бы на поверхность. Но был небольшой риск, что какой-нибудь случайный рыбак-спиннингист подцепит их на блесну и вытащит на берег. И тогда не миновать шумихи и расследования, поскольку трупы с переломанными шеями, лежащие в мешках, никак не похожи на обычных утопленников. Можно было сжечь этих наркоманов, это вообще идеальный вариант, но не было никаких связей с работниками крематория, где трупы отлично превращаются в бурую пыль вместе с зубами и костями, а искать контакты с местными уголовниками, чтобы через них добраться до крематория, Первый не велел, ибо изначально была поставлена задача не иметь сношений с братвой во избежание малейшей утечки информации. Оставался самый простой и самый рациональный вариант: захоронить тела на бескрайней городской свалке с помощью бомжей-аборигенов, которые за малую мзду сделают работу быстро и чисто.

Послышались негромкие голоса. Тот, что сидел в машине, вдавил окурок в пепельницу и вышел навстречу гостям. К нему подходили несколько человек. Впереди шел его напарник с высоким человеком могучего телосложения. В тусклом лунном свете серебром отливали его седые волосы, испитое тяжелое лицо было в глубоких волчьих складках. Видимо, это был

вожак местных обитателей, ибо повадка его выдавала привычку безраздельно властвовать в своем маленьком вонючем царстве. Следом за ним шли еще пять человек, непонятного возраста, но с такими физиономиями, что мирный обыватель, случайно оказавшийся тут ночью, принял бы их за оживших мертвецов. Впрочем, все дело было в лунном свете, в котором, как известно, и обычные люди принимают порой самое жуткое обличье.

– Ну че, где ваши жмурики? – хриплым приглушенным басом спросил седой, небрежно кивнув большой головой в знак приветствия вылезшему из машины бандиту.

– Да вон там лежат, правее, под самой кучей, – указал рукой тот.

– Ага. – Седой повернулся к своим подчиненным и властно махнул рукой. Ни слова не говоря, его послушная команда двинулась в указанном направлении. – Сейчас все приберем в лучшем виде, на этой свалке народу похоронено больше, чем на городском кладбище. Через недельку крысы их так объедят, что только скелеты останутся, да и те потом сгорят в пожарах. Тут у нас все время мусорок-то горит...

– Главное, Седой, чтобы твои люди не болтали... – перебил его первый бандит. – За тем мы сюда и приехали.

– Кабы они болтали, нас бы давно в зоне гноили, – усмехнулся Седой, показав сплошной ряд железных зубов. – Ладно, с этим понятно. Давай бабки и отваливай. Нам тут контроль качества не нужен...

– Че-то твои руками машут, – сказал вдруг второй бандит.

Седой обернулся. В самом деле, его люди, не желая поднимать шум, призывно взмахивали руками, подавая отрывистые звуки.

– Ну что еще... – недовольно проворчал Седой, направляясь к ним.

Следом за ним, переглянувшись, пошли оба бандита, усмотрев в знаках похоронной команды какой-то тревожный сигнал.

– Ну, чего кипеш подняли? – грозно спросил Седой. – Говори, Клоп, – ткнул он пальцем в самого маленького и плюгавого мужичка.

– Так это... – засипел тот, нервно жестикулируя пальцами. – Сказали, что тут два жмура лежат, мужик и баба, а тут ить один тока, мужик...

Седой через его голову посмотрел на лежащий труп.

– И правда, один только лежит... – обернулся было он к заказчикам.

Но те уже сами, пригнув по-собачьи головы, метнулись к земле.

– Черт, удрала, сучка, – прошипел один из них, не обнаружив труп девушки на том месте, где они выгрузили его пятнадцать минут назад.

– Как это – удрала? – хмыкнул Седой. – Ожила, что ли?

– Выходит, – нервно кивнул второй. – Надо найти ее... Срочно! Далеко уйти она не могла, у нее шея набок свернута. Ну, чего стоите?

Доходяги не спешили трогаться с места, посматривая на вожака.

– Не, на это мы не договаривались, – сказал Седой. – Запрятать по-тихому – это да, тут мы можем пособить. А насчет того, чтобы кого-то ловить, это не наше дело. Где ж ты тут ее уловишь, в темноте? Поди, чешет уже где-нибудь за пять верст отсюда...

– Даю еще три штуки, – прохрипел тот из бандитов, который привел их сюда. – Надо ее найти как можно быстрее, ты понял? Или...

Он не договорил, скрипнув зубами и сунув руку за полу куртки. Его напарник красноречиво придвинулся к нему, но за оружием не полез.

– Десять штук, – сказал он тихо. – Далеко она не ушла, я был рядом и услышал бы ее шаги. Где-то недалеко залегла, я чую. Сейчас возьмем фонари в машине и найдем ее. Ты ведь нам поможешь, Седой?

Седой, переживший не самую приятную минуту в жизни вместе со своей порядком стухнувшей командой, для солидности секунду – но не больше – помедлил, затем согласно наклонил голову.

– Всего пятнадцать тыщ рубликов, – сказал он. – Подходит. Неси фонари, шас в момент вашу бегунью найдем. Ванек, Степа, ну-ка, за дело. Клоп, дуй за нашими. Пускай все идут, кроме баб, да щупы волокут. А мы пока для начала поищем след, может, по следу ее найдем.

Вооружившись фонарями, бомжи и бандиты соединенными усилиями приступили к поискам пропавшей девушки. Какой-нибудь четкий след отыскать не удалось. Трупы были брошены на разворошенный мусор, на котором след мог оставить разве что тяжелый трактор. Вскоре подошли еще два десятка людей-призраков. Было решено разделиться. Одна часть пошла прочесывать близлежащий кустарник, вторая, вооружившись длинными железными щупами, заостренными на конце, принялась концентрическим полукругом обыскивать свалку, протыкая мусор через каждый метр-полтора (примерно так они искали металл, чтобы потом сдавать его в скупку). Если сбежавшая «покойница» спряталась где-то рядом, то вопрос ее поимки был лишь делом времени.

...Наташа очнулась от удара о землю. Невыносимой болью горел затылок, все тело задеревенело, руки и ноги не шевелились. Но сознание вернулось быстро, и через минуту она ясно вспомнила, что произошло на приозерной даче. Чуть-чуть повернув голову налево, Наташа увидела прямо перед собой мертвое лицо Сережи с закатившимися под лоб глазами. Ей стало так жутко, что она поспешно отвернулась, и это резкое движение пронзило ее адской болью, от которой она едва снова не потеряла сознание. Тогда она уже более плавно, преодолевая страшную боль в затылке, повернула голову направо. Метрах в пятнадцати от нее стояла темная машина, в салоне сидел и преспокойно курил плечистый человек в черном, которого она несомненно видела возле дачи в компании еще двоих негодяев. Луна, хоть и неяркая за туманной пеленой, дала ей возможность разглядеть, что в машине только один человек, а их с Сережей никто не охраняет. То, что они находятся на городской свалке, Наташа поняла по специфической вони и горе мусора, у подножия которой она лежала. Нетрудно было догадаться о той участи, которую эти люди, или, точнее, убийцы, уготовили ей и ее несчастному другу. Бедный Сережа... Но жалеть его она пока не имела сил. Чудом оставшись в живых, Наташа отлично понимала, что убийцы не оставят так просто лежать два трупа на видном месте. Скорее всего, сейчас явятся те, кто и займется дальнейшим и окончательным устройством судьбы двух несчастных дурачков, оказавшихся в ненужном месте в ненужный час. Ах, боже мой, ну почему сегодня с утра не пошел дождь?

Не раскисать, приказала она себе. Что случилось, то случилось, время вспять не обратить. Теперь надо спастись любым путем, пока есть такая возможность. Косясь на темный профиль человека в машине, Наташа перевернулась на живот. Мусор под ней оглушительно, как ей показалось, зашуршал, но ветерок дул от машины и сносил звуки в сторону. Преодолевая ломоту в затылке, от которой голова невольно уходила влево, Наташа закрыла глаза Сереже, тронула губами его холодную щеку и медленно, сантиметр за сантиметром, поползла вдоль подножия мусорной горы. Она не знала, сколько у нее есть времени, чтобы спрятаться от тех, кто станет ее искать, но вряд ли она располагала большим запасом. Надо было спешить с выбором убежища. Вскочить бы и кинуться наутек... Но она чувствовала, что не только бежать, но даже стоять вряд ли сможет без посторонней помощи. Хорошо еще, что можно ползти. Шейные позвонки серьезно повреждены, у нее как минимум компрессионный перелом, а с такими травмами люди неподвижно лежат в гипсовом корсете на больничной койке. Наташе повезло, что убийца, свернувший ей шею, не сделал поправку на гибкость женского тела. Впрочем, о везении говорить было еще слишком рано...

Наташа видела густые кусты неподалеку. Доползти до них и попытаться спрятаться там? Заманчиво, но ненадежно. Далеко уползти в густых зарослях не удастся, а в темноте вообще

можно перепутать направление и податься не в ту сторону, например, к той же машине. Нет, если где и искать спасение, то только в мусоре.

Преодолев ползком метров десять, Наташа увидела небольшую щель в сплошном мусорном месиве. Щель находилась в метре от земли. Считая про себя секунды, чтобы не слишком резко дергать головой, Наташа обернулась на человека в машине. Тот по-прежнему сидел в салоне, и Наташа решила подняться с земли. Привстав на колени, преодолевая дурноту, она руками принялась расширять намеченное углубление. Тут же звякнуло стекло, зашуршала бумага... Она присела, с ужасом ожидая, что из машины сейчас выскочит убийца и прибежит на звук. Но нет, тот даже не шевельнулся. Видимо, она сильно преувеличивала громкость поднятого шума. Да и ветерок, дувший от машины, играл ей на пользу. Наташа сунула обе руки в щель, образовавшуюся благодаря лежавшей наискось большой деревянной панели – дверцы старого шкафа, – и полезла головой вперед в рыхлое вонючее мусорное чрево. Оно упорно не хотело расступаться, придавливая и засыпая ее чем-то холодным и скользким, но Наташа, отплеываясь от мерзкой шелухи, забивающей ей рот, залезла все глубже и глубже, как крот в спасительную нору. Теперь с трех сторон – с четвертой была благословенная поверхность двери – ее окружал сплошной мусор. Ее волосы были забиты мусором, под майкой и под короткой юбкой был мусор, лицо упиралось в мусор, ее голые руки и ноги до самого паха были измазаны во что-то осклизлое – и от едкой вони гниющих отходов тошнота подступала к самому горлу. Но она старалась не обращать на это внимания, ибо спасение жизни стоило того, чтобы терпеть любые, и не только такие, неудобства, и остановилась только тогда, когда влезла метра на два в глубь своей импровизированной пещеры. Напоследок она движениями ног, вслепую, разворошила за собой мусор, чтобы скрыть щель, видимую снаружи. И едва успела поджать ноги, как послышались чьи-то голоса. Все, теперь надо лежать и не шевелиться.

Она почти ничего не слышала, придавленная горой мусора, но без труда могла догадаться, что, не обнаружив ее трупа, убийцы начнут самые интенсивные поиски беглянки. Да, верно, вот послышался чей-то возбужденный голос, потом стало тише, голоса будто удалились. Но через несколько минут вдруг приблизились настолько, что у Наташи ледяной озноб прошел по позвоночнику. Люди, которые хотели найти ее и убить, вернее, добить, стояли совсем рядом со щелью. Наташа слышала, как они совещались и делились на группы. Какое счастье, что она позаботилась о том, чтобы хоть как-то замаскировать свой лаз. Если бы те, кто ее искал, увидели щель и сунули туда руку, они вытащили бы ее за ногу, как дождевого червяка из норки.

Вскоре подошли еще люди – постоянные жители свалки, знающие ее как свои пять пальцев, привыкшие лазать по ней с утра до вечера в поисках поживы. Наташа слышала, как они карабкались по склону мусорной горы, под которой она лежала. Вдруг какой-то шипящий звук прошел вдоль самой ее головы. Она едва не вскрикнула и не дернулась в сторону, что сразу бы выдало ее преследователям. Это был заостренный железный щуп, которым девушку едва не проткнули. Щуп с шипением ушел вверх, но через полметра снова с силой пронзил мусор, и, если бы не прикрывающая спину Наташи дверь от шкафа, по которой он скользнул и ушел в сторону, ее смерть наступила бы через минуту.

Спустя четверть часа голоса и шум приминаемого ногами мусора вроде бы попритихли. Наташа начала потихоньку думать, что самое страшное позади. Вряд ли эти люди будут прочесывать свалку дважды, на это у них просто не хватит людей и времени. Сейчас ей надо тихо полежать здесь еще пару часов, затем выбираться наружу, а там кустами, кустами – подальше отсюда. Шея хоть и болела, но все же не настолько, чтобы от этой боли терять сознание. Все-таки позвоночник, скорее всего, цел, но сильно пострадали связки и мышцы. Но ничего, это не смертельно, через месяц пройдет. Еще можно успеть на юг съездить, поправить здоровье... Но тут Наташа вспомнила, что Сережа мертв, а стало быть, никуда она не поедет... Да и эти убийцы вряд ли так просто оставят ее в покое. Господи, куда от них спрятаться? В милицию? Не слишком надежное убежище. Разве что навсегда остаться в этой норе...

Вдруг снова послышался какой-то шорох. Наташа сжалась, думая, что это вернулись преследователи. Но шорох шел не сверху, а изнутри и как бы со всех сторон. Что такое? Она почувствовала легкие, быстрые прикосновения к рукам и ногам, словно ее кто-то щекотал. Сначала она не поняла, решив, что тело затекло и от этого по нему побежали мурашки. Но когда ей в ухо и в лоб, попискивая, ткнулась холодная усатая мордочка, она едва не издала истошный вопль неопишемого ужаса. Крысы! Все, что угодно, только не это. Она закусила край ладони до крови, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не забиться в истерике...

Привлеченные непривычным для этого времени суток шумом, крысы примчались по своим тайным тропам, чтобы утолить любопытство, которым эти зверьки обладали, наверное, в большей степени, чем любое другое создание, – женщины, разумеется, не в счет. Наташа чувствовала, что ее обнюхивают и исследуют со всех сторон бесцеремонные маленькие твари, обмениваясь между собой короткими деловитыми сигналами. Цепенея от ужаса, едва не теряя рассудок в этой жаркой вонючей тьме, наполненной зловещим шорохом и писком, она ждала, что вот сейчас они накинутся на нее всей стаей и начнут жадно пожирать. Но ничего такого не произошло. На городской свалке крысы благоденствовали, еды, самой разнообразной, было тут вдоволь, и нападать без особой нужды на живого человека, который мог оказать яростное сопротивление, они не собирались. Явились они только лишь для того, чтобы получить информацию и некоторым образом развлечься. Установив, что опасность им не грозит, они так же быстро умчались прочь, как и явились, возможно, даже посочувствовав бедняжке, которая оказалась в положении, столь понятном всему крысиному племени.

От пережитого кошмара, от слабости и невозможности даже шевельнуться Наташа впала в состояние, похожее на забытие. Сколько она лежала, неизвестно, время на какой-то срок перестало для нее существовать. Но очнувшись она оттого, что ноги начали сильно зябнуть. Придя в себя, Наташа сообразила, что близится рассвет. Некоторое время она прислушивалась. Кажется, рядом никого нет. Надо торопиться, пока не стало светать. Девушка кое-как вылезла из своей норы и на четвереньках, то и дело припадая к земле, поползла к темнеющему кустарнику...

11 июня 2003 г., Лондон

Лев Осипович Бирчин принимал важного гостя в своем лондонском особняке. Стояло нежнейшее утро, прозрачная голубоватая пелена укрощала жар уже высоко поднявшегося солнца, легкий ветерок, принесенный с моря, был свеж и благоухан, ибо к нему примешивались ароматы розовых кустов, окружавших дом по всему периметру. Лев Осипович обожал розы, и в выборе этого дома немалую роль сыграл тот факт, что несколько поколений предыдущих хозяев с британским педантизмом культивировали здесь выращивание роз – королевы всех цветов. Правда, обладание столь пышной и многоцветной – около сорока оттенков! – коллекцией увеличило стоимость особняка на добрый десяток миллионов фунтов, но Лев Осипович, совершенно очарованный, не стал даже и торговаться, о чем впоследствии несколько не жалел. Ведь, как уверяли его знатоки, некоторых экземпляров не было даже у самой Елизаветы, страстного и самого знаменитого цветовода.

Стол на две персоны был накрыт во внутреннем дворике, эдаком древнегреческом атриуме, искусно подправленном ультрасовременным городским дизайном. Впрочем, было тут довольно уютно и тенисто. И, что самое главное, совершенно безопасно в плане защиты от прослушивания наружными группами наблюдения, которые денно и нощно вели слежку за каждым шагом Льва Осиповича и всех его гостей. Наблюдение было столь плотным и профессиональным, что в доме проводить важные переговоры считалось небезопасно, ибо мощнейшие лазерные считыватели могли, невзирая на противодействие, уловить некоторые ключевые слова даже через пуленепробиваемые стекла. А так как гости Льва Осиповича приезжали к нему не только лишь из одних дружеских чувств, то и все деловые переговоры велись либо в атриуме – в хорошую погоду, либо в обширном винном погребе – в плохую.

Лев Осипович дождался гостя за столом. Дважды он машинально глянул на часы, во второй раз недовольно поморщившись. Ну сколько можно развлекаться с горничной? Кажется, серьезный человек, и намерения весьма масштабные, а вот от хорошенькой попки не может оторваться уже часа два. Лиза, конечно, девица соблазнительная, да и гость – мужчина в соку, плюс горячая кавказская кровь... Но всему же есть предел, пора обратиться к делам. Лев Осипович налил себе каплю джина, выпил, глянув на часы в третий раз. Ладно, в конце концов, гость человек непростой, можно потерпеть. Да и Лиза сумеет сообщить о нем немало важных сведений, тут она специалист неопенимый, за что и получает весьма приличное жалованье.

Лев Осипович был одет, несмотря на солнечную погоду, в черные брюки и темно-синюю шелковую сорочку, что, в общем, шло к его невзрачной лысоватой наружности сутулого конторского служащего. Он любил все темное, таинственное, сакральное, и планы его – как правило, планы мести ненавистной, осудившей и изгнавшей его России, – носили всегда некий божественный «сакральный» характер. Заработав благодаря наследственной подвижности ума и невероятной удаче миллиарды долларов в дикой неповоротливой России, он хотел осчастливить ее и сделать самой могущественной страной в мире. Но его намерения были поняты превратно, его поспешили обвинить во всех смертных грехах и спустить на него всех собак. Слава богу, есть цивилизованные страны, где богатые люди могут чувствовать себя в безопасности от российского правосудия – сумасшедшее словосочетание. Но Лев Осипович обиделся до глубины души и поклялся сделать все, что в его силах, чтобы тем, кто ошельмовал и изгнал его, не сиделось спокойно в их мягких креслах. Осуществить месть было нетрудно, ибо Россия напоминала огромное животное, сплошь изъязвленное маленькими, но очень болезненными ранками. Стоило хоть немного разбередить одну из них – и зверь начинал мучительно корчиться от боли. А если несколько ранок превратить в одну кровоточащую язву, кто знает, не сойдет ли зверь с ума и не бросится ли от отчаяния в пропасть, где сломает себе хребет?

Наконец в дверях показался долгожданный гость. Это был высокий сорокапятилетний мужчина в легком светлом костюме от Версаче и белой сорочке без галстука. Одежда безукоризненно сидела на его широких плечах. Вообще сразу было заметно, что своей внешности он уделяет немало времени. Ровный «швейцарский» загар, тщательно подстриженная холеная бородка, отполированные ногти, хронометр от Картье, бриллиантовые запонки, заказная обувь – все изобличало в нем привычку к дорогим вещам и роскошной жизни. Его земляки в далекой Чечне жили куда скромнее, хотя делали для независимости своей маленькой гордой республики куда больше.

– Прошу, Магомед, – уважительно привстав, Лев Осипович указал на стул напротив себя. – Как отдохнули?

– Спасибо, хорошо, – ответил Магомед, садясь в удобное плетеное кресло и широко раздвигая ноги.

– Кофе?

– Не откажусь, – важно наклонил массивную голову гость.

Лев Осипович сделал жест лакею, стоявшему в трех шагах от стола. Вышколенный до автоматизма робота, тот бесшумно приблизился и налил гостю кофе из серебряного кофейника в маленькую фарфоровую чашечку – старинный китайский сервиз. Магомед и бровью не повел в его сторону, привыкший с детства не обращать внимания на рабов, которые делали в доме всю работу с незапамятных времен. Даже во времена так называемого социализма у его отца жили три бича из русских пьяниц, отловленные где-то у моря, и маленький Магомед и его братья имели право безнаказанно пинать и бить их за малейшую провинность как бессловесных животных. Лев Осипович, который замечал абсолютно все, не мог не позавидовать этому врожденному, хоть и несколько грубоватому аристократизму. Сам он был типичным разночинцем по происхождению и воспитанию и долго не мог избавиться от привычки говорить на каждом шагу «спасибо» собственным слугам за то, что они обязаны были делать по роду своей службы, оплачиваемой, кстати, очень даже щедро. Один только этот лакей и по совместительству мажордом, коренной лондонец по имени Стивен, обходился ему в десять тысяч фунтов в месяц. Охрана же съедала поистине баснословные суммы...

– Поговорим с глазу на глаз, – лениво заметил Магомед.

– Да, да, конечно, – согласился Лев Осипович, сам не понимая, почему он заискивает перед этим спесивым горцем, который существует на его деньги да еще обеспечивает ими всю свою нищую родню. – Можете быть свободны, Стивен, – сказал он по-английски лакею.

Тот важно наклонил голову и с достоинством удалился, дав Льву Осиповичу повод подумать о том, что из этих двоих «аристократов» лакей несомненно считает себя куда более важной персоной. Эта мысль его развеселила, и он взглянул на своего гостя благодущнее.

– Вчера вы сказали, что существует некий план... – осторожно начал Лев Осипович. – Насколько я понял, это не просто очередное банальное нападение на колонну федеральных войск?

– Нет, это не банальное нападение на федералов, – слегка улыбнулся Магомед, изящным движением поднося ко рту чашечку с кофе. Он не торопясь отхлебнул, легким движением бровей одобрил кофе и еще раз отхлебнул. Лев Осипович вынужден был сдерживать свою порывистость и терпеливо ждать дальнейших слов гостя, по опыту зная, что в вопросах этикета кавказцы бывают медлительнее эстонцев.

Магомед поставил чашечку и достал из внутреннего кармана пиджака золотой портсигар с какой-то мудреной монограммой. Полюбовавшись портсигаром, он извлек из него тонкую сигару, специальным ножичком-гильотиной отсек у ней кончик и неспешно раскурил, пуская ароматный дым тонкой струйкой и явно этим наслаждаясь.

«Если бы я так вел свои финансовые дела, я бы уже стал банкротом, – подумал Лев Осипович, наливая себе кофе и торопливо его выпивая. – Слава богу, что мы партнеры только в побочном бизнесе».

– Хотя не стоит забывать, что партизанские вылазки приносят немалую пользу нашему делу, – наставительно сказал Магомед. – Это не позволяет русским думать, будто мы сдались на их милость, а кроме того, дает возможность молодым бойцам и наемникам тренироваться в реальном бою и поддерживать себя в боевой форме.

– Само собой, вы правы, – закивал Лев Осипович, – и я не собираюсь оспаривать ваши утверждения. Я просто хотел сказать, что если не будет более глобальной перспективы, чем обычная партизанская война, то все дело сопротивления может затихнуть само собой...

– Наше сопротивление русским собакам никогда не затихнет, – заявил Магомед, – этого они не дождутся. Пока будет жив хоть один чеченец, он будет продолжать великую борьбу против неверных и прольет столько их крови, сколько сможет.

Лев Осипович опустил глаза и прикусил губу, чтобы не показать, как ему надоели эти пышные тирады. Хоть он и питал к России не меньшую ненависть, чем его гость, все же она была далеко не столь кровавой и непримиримой, ибо подоплека войны носила совсем иной характер. Не раз в своих сокровенных мечтах Лев Осипович думал, что позвони ему лично президент Путин – телефончик лондонский наверняка ведь известен – и предложи эдак задушевно мировую и, в качестве компенсации за все страдания, какой-нибудь скромный министерский пост для начала, – эх, бросил бы к чертям собачьим эту респектабельную, скучную до сведения скул за границу и в тот же день рванул бы туда, где так заманчиво и мощно кипит самая бешеная, веселая и настоящая жизнь. И даже часть своих капиталов не пожалел бы кинуть в этот котел... Но Путин, увы, не звонил, и Лев Осипович вынужден был мириться и с нравами, и с речами своих кавказских партнеров, поскольку основные их задачи пока во многом совпадали.

Магомед там временем занялся поглощением фиников, тщательно выбирая самые спелые плоды. На нетерпеливость хозяина он не обращал ровно никакого внимания. Откушав фиников, закусил бананом, выпил еще чашечку кофе, которую, за отсутствием лакея, поспешил налить ему Лев Осипович, и только тогда соизволил продолжить речь.

– Шейх Абдулкарим разработал подробный план по захвату городского поселка и прилегающей к нему долины и провозглашению там независимой территории, контролируемой войнами Ичкерии.

– Ого, – несколько опешил Лев Осипович, – это уже интересно.

– Все детали операции подробно разработаны. Мы нанесем удар тогда, когда русские этого не ожидают. Обычно они принимают повышенные меры безопасности накануне и во время своих праздников. Зачем нам лезть на рожон? Мы подождем, когда станет совсем тихо. Это случится примерно в середине лета, когда все их начальники и генералы разъезжаются по отпускам на далекие и дорогие курорты.

– Но ведь не все разъезжаются по отпускам, – заметил Лев Осипович. – Основные силы все равно контролируют территорию Чечни... прошу прощения, – Ичкерии. Как вы хотите осуществить захват целого города? Федеральные войска теперь несут службу гораздо лучше, чем во времена первой войны, когда подобные операции осуществлялись без труда.

– Мы обманем неверных, – важно заявил Магомед. – Мы захватим этот Заречный – таково русское название поселка, не снаружи, а изнутри. Мы назовем его Дудай-Мартан, и от него начнется новая волна великой освободительной борьбы. Это будет самая лучшая наша операция.

– Не сомневаюсь в этом, – буркнул Лев Осипович. – Хотя я не совсем понял, как вы собираетесь захватывать поселок изнутри. Ведь там наверняка поблизости стоит воинская часть, а рядом еще несколько, в поселке есть милиция из местных предателей. Наконец многочисленные агенты ФСБ загубят на корню весь ваш блестящий план.

– Осуществить его будет не просто, – согласился Магомед, лениво щипля виноградную кисть. – Но возможно. Аллах нам поможет. Уже проведена предварительная работа. Кстати, милиция в Заречном почти вся состоит из бывших боевиков. Бывших – это русские так считают. На самом деле это наши самые преданные воины, которые по заданию шейха несколько месяцев назад якобы сдались федеральным властям. Так что здесь наши позиции самые сильные.

– Но какими силами вы хотите захватить и удерживать поселок? Одной лишь милицией? Кстати, сколько населения в нем проживает?

– Около пяти тысяч. И это еще не все, ибо туда прибывают все новые и новые жители. Поселок этот быстро строится, туда съезжаются сотни строителей. Вот на этих строителей мы и рассчитываем...

– Продолжайте, – прищурился Лев Осипович, вдруг начиная понимать, что план шейха Абдулкарима действительно весьма интересен.

– Вербовкой и доставкой строителей занимаются наши люди. Даже ФСБ не обращает на них особого внимания. Мы этим воспользуемся. В день «Ч» вместо мирных строителей появятся обученные бойцы, которых в городе сосредоточится до тысячи человек. Это большие силы, учитывая, что вооружены они будут самым современным оружием и прикрыты тысячами мирных жителей. Русские не осмелятся атаковать город. Они не рискнут обречь на смерть такое количество женщин и детей. Кроме того, в качестве заложников будут захвачены наблюдатели от ОБСЕ. Так что Путина мы заставим принять все наши условия.

– А откуда там возьмутся наблюдатели от ОБСЕ? – вытирая платком лысину, спросил Лев Осипович. – Да еще в нужное время?

– Вы их нам организуете, – невозмутимо ответил Магомед.

– Допустим... – кивнул Лев Осипович. – Хотя это будет непросто, я постараюсь сделать все, что в моих силах...

– Постарайтесь, – отчеканил Магомед. – От этого во многом зависит успех всей операции. Россия не посмеет пренебречь безопасностью видных европейских политиков. На нее надавит весь мир, в том числе и Америка. Мы поставим Россию на колени и заставим выделить нам независимую область. А далее к нам присоединится часть Дагестана и Ингушетии, мы провозгласим независимое мусульманское государство и уже никогда не отдадим его русским. Все ошибки прошлого будут учтены и исправлены. Нам обеспечена поддержка всего мусульманского мира. Кстати, уважаемые люди в Дагестане и Татарстане очень внимательно будут наблюдать за этой операцией. Если у нас все получится, может, и они поднимут у себя священное знамя джихада.

– Да-а, замысел неплохой, – протянул Лев Осипович. – Скажите, Магомед, а эти строители, то есть замаскированные бойцы... Ведь до того, как начнется операция, они должны будут работать на стройках, и работать квалифицированно, иначе их сразу заподозрят агенты ФСБ. Там ведь не дураки служат, имейте в виду...

– Мы тоже не дураки, – усмехнулся Магомед. – По всему миру идет отбор нужных людей. В лагерях для подготовки боевиков наши друзья ищут для нас тех, кто в прошлом имел строительную специальность. По надежным каналам их уже переправляют в Заречный. Так что до начала операции все бойцы будут работать как настоящие строители, и ни один фээсбэшник ничего не заподозрит.

– Мудро, – кивнул Лев Осипович. – Я вижу, уважаемый шейх очень тщательно потрудился над разработкой всех деталей.

– Да, но и это еще не все. Из лагерей беженцев в Заречный в первую очередь направляются те женщины, чьи мужья, отцы и братья погибли от рук русских захватчиков. Все они готовы взять в руки оружие или оказать любую помощь бойцам. Если дойдет до военных дей-

ствий, то весь город будет сражаться, как один человек. Пусть весь мир знает, что мы все готовы погибнуть за независимость Ичкерии.

«Ты-то в это время будешь разъезжать в роскошном лимузине по тишайшей Европе», – невольно подумал Лев Осипович и спросил:

– А кто возглавит операцию? Для столь значительной задачи и фигура нужна подходящая. Ведь, чтобы поднять знамя борьбы, нужен не просто смелый и решительный человек. Чтобы подчеркнуть масштаб происходящего, нужен человек-легенда, человек-символ, тот, кто широко известен не только в России, но и во всем мире. Честно говоря, такого человека я пока не вижу... Все известные полевые командиры погибли либо находятся за решеткой, а те, что остались, вряд ли смогут пробраться в Заречный, ведь не секрет, что каждый их шаг известен российским спецслужбам. Как только Шамиль или Мосхадов направятся в Заречный, федералы насторожатся и предпримут контрмеры.

– Шейх продумал и этот момент, – спокойно парировал Магомед. – Вы правы, нам действительно понадобится легендарная личность, человек, лично знавший Джохара и заслуживший уважение земляков в беспощадных боях с русскими. И такой человек у нас есть.

– Кто же он, если не секрет? – торопливо спросил Лев Осипович.

– Руслан Мадуев, – доставая портсигар, ответил Магомед.

– Как? – опешил Лев Осипович. – Насколько я помню, в прошлом году он был приговорен к пожизненному заключению и теперь находится в тюрьме под самым бдительным надзором, какой только можно представить. А россияне, несмотря на свое знаменитое развездьяйство, умеют сторожить своих пленников, особенно таких, о-очень хорошо...

– Пускай сторожат, – небрежно махнул рукой Магомед, – что им, собакам, еще делать? А мы его оттуда заберем.

– Вы так легко говорите, уважаемый Магомед, как будто речь о заурядном уголовнике. Вы, наверное, не понимаете...

– Все мы прекрасно понимаем! Да, задача нелегкая. Ведь даже где находится Руслан, точно неизвестно. Вся информация об этом строго засекречена, на уровне государственной тайны. Но вы забыли одно, уважаемый Лев Осипович: государственные тайны охраняют обыкновенные люди, а некоторые из них очень любят деньги.

– Тут вы, конечно, правы, – остывая, согласился Лев Осипович. – Но все-таки уровень этой информации таков, что весьма непросто найти нужного человека, даже за очень большие деньги.

– Мы его уже нашли, – снисходительно улыбнулся Магомед. – Он маленький человек, и принести нам нужную информацию списком либо на дискете он не имеет возможности. Более того, он даже не имеет доступа к интересующей нас информации, потому что контроль там действительно очень жесткий. Она настолько секретна, что ее не рискуют хранить даже в памяти компьютера, чтобы случайный взлом или вирус не нанес ущерба государственной тайне. Интересующие нас списки существуют только на бумаге, и владеют ими только высокопоставленные чины. Но зато эти списки перемещаются из одного высокого кабинета в другой при помощи так называемой фельдъегерской службы, то есть гонцов, а уж отловить такого гонца мы сумеем, был бы известен день и час его перемещения...

– Но что вам даст информация о том, в какой тюрьме содержится Руслан? – возразил Лев Осипович. – Взять ее приступом вы не сможете, подкупить всю охрану – тоже, поскольку там работает система кругового стукачества, и ваши намерения станут известны Москве до того, как вы договоритесь с нужными людьми.

– А мы и не собираемся никого подкупать, – снова усмехнулся Магомед. – Здесь мы будем действовать по-другому, а именно: узнав, кто лично служит в охране Руслана, мы возьмем в заложники семью этого человека и потребуем, чтобы он вывел Руслана из тюрьмы.

– Здорово! – откинулся на спинку стула Лев Осипович. – Вот это лихо. А ведь знаете, может сработать. Если, конечно, в Москве все будет сработано чисто. А вы не бойтесь, что, когда документы у фельдъегеря будут перехвачены, ФСБ сумеет разгадать ваши намерения?

– Не боимся. Мы направим их по ложному следу. Пусть побегают.

– Отлично! – прищелкнул пальцами Лев Осипович. Игрок по своей натуре, он почувствовал, что в этой игре у него есть определенный шанс на победу. – Уважаемый шейх Абдулкарим – очень мудрый человек.

– Кстати, после того, как Руслан будет освобожден, нам, скорее всего, срочно понадобится самолет, чтобы быстро и безопасно переправить его в Ичкеррию, – сказал Магомед. – И вы нам здесь сможете помочь.

– Напомню вам, что я уже не являюсь владельцем Аэрофлота, – кисло улыбнулся Лев Осипович. – Так что кроме материальной помощи...

– Зато ваш друг, депутат Государственной Думы Травкин, является владельцем личного самолета, который благодаря его статусу может беспрепятственно летать по всей стране, – перебил его Магомед. – Вот на его самолете мы и переправим Руслана. Кстати, вызов фельдъегеря в назначенный час должен организовать тоже он.

– Я вижу, вы предусмотрели все, – развел руками Лев Осипович. – С Иваном Петровичем у нас действительно очень близкие отношения, и, в случае необходимости, я думаю, что смогу убедить его предоставить вашим людям свой самолет. А также попрошу его затребовать нужную документацию в Думу. Естественно, не посвящая его в суть дела.

– Естественно, – согласился Магомед. – Не стоит укорачивать ему жизнь, он такой достойный человек. Как говорится у вас, у русских, меньше знаешь – крепче спишь.

Он вдруг раскатисто захохотал, обнажая два ряда великолепных белых зубов. Вежливо улыбаясь, Лев Осипович с немалой долей зависти смотрел на своего развеселившегося гостя. Счастливый человек! По сути, никаких душевных переживаний и хлопот, сплошное наслаждение жизнью. Научиться бы так жить, смело, напористо, безоглядно. Так ведь нет, поедом едят мыслишки, не дают ни на минуту почувствовать самое главное удовольствие бытия – истинный душевный покой. Нет его и, видимо, никогда не будет. Так уж устроен, ничего не поделать. Да если бы и захотел пожить спокойно, недруги все равно не дадут. Достанут в любом месте, будут преследовать до последнего вздоха, точно он украл и присвоил их жалкое, наворованное имущество. И при воспоминании о недругах Лев Осипович помрачнел и потянулся к бутылке с джином.

– Кстати, Лев Осипович. – Успокоившись, Магомед достал из кармана сложенный листок бумаги и положил на стол. – Вот примерная смета расходов. Ознакомьтесь, пожалуйста, и дайте ваш ответ.

– Хорошо, – ответил Бирчин, беря листок. – Когда нужен ответ?

– Вчера, – блеснул на него черными шальными глазами гость.

12 июня 2003 г., Подмосковье

Майор Гришин на черной служебной «Волге» подъехал к высоким металлическим воротам и остановился. По небольшому взгорку в обе стороны от ворот тянулся сплошной трехметровый бетонный забор, теряясь закругленными оконечностями в лесном массиве. Тройной ряд особой колючей проволоки, по которой круглосуточно был пропущен ток высокого напряжения, стальным венцом шел поверх забора.

Из будки КПП вышел рослый подтянутый прапорщик с погонами внутренних войск, дотошно изучил удостоверение Гришина, хотя отлично помнил его в лицо, и дал отмашку тому, кто сидел в будке.

– Как служба, прапорщик? – спросил Гришин, намекая на курортное расположение этой столь тщательно охраняемой территории.

– Идет, – односложно и хмуро ответил тот, уходя в будку.

Тут не полагалось много разговаривать, даже с теми, кто входил в круг допускаемых сюда лиц. Одобрительно улыбнувшись широкой спине прапорщика, Гришин дал газ и медленно въехал в открывшиеся ворота. Будучи рьяным служакой по призванию, он любил, когда должностные обязанности исполнялись в строгом соответствии с инструкциями.

По идеально асфальтированной дороге, вдоль которой росли вековые сосны, Гришин медленно двинулся в глубь территории. Примерно метров через двести деревья расступились, и «Волга» выехала на небольшую площадку-автостоянку, у которой был расположен типовой гостиничный комплекс. Несколько поодаль от гостиницы виднелись аккуратные деревянные коттеджи, к которым вели ровные дорожки со свежесмытыми бордюриками. Клумбы по бокам автостоянки радовали глаз веселым, но не слишком ярким цветочным узором. В траве среди сосен не было ни сучка, ни шишки. В целом все здесь напоминало обычный санаторий из прежних времен, где стараниями радетельного директора поддерживается безупречный порядок.

Оставив машину на стоянке, на которой стояли три «Волги» и два сверкающих хромированными частями армейских «УАЗа», Гришин направился к гостинице, с наслаждением вдыхая терпкий густой аромат напоенного солнцем соснового бора. Так и хотелось стащить с шеи галстук, зашвырнуть его куда подальше вместе с пиджаком, разуться и по теплой травке босиком махнуть на речку. Да уж куда там, махнешь. Как говорится, пошел на службу – терпи и нужду. Река хоть и манит, но пока не до нее. Дело появилось столь неотложное, что Гришин рванул сюда прямо из Москвы, не дожидаясь, когда генерал Антипов, его непосредственный начальник, вернется на службу после десяти суток отдыха, которыми ему высокое начальство разрешило воспользоваться для поправки здоровья вместо законного месячного отпуска.

На первый взгляд у гостиницы и вокруг нее было совершенно безлюдно. Но вот вдаль мелькнул силуэт человека в шортах и майке, там прошли по дорожке еще двое. В курилке, расположенной в кустах за автостоянкой, сидело несколько чистеньких солдатиков – водители и обслуживающий персонал гостиницы. Но разговаривали они довольно тихо – не громче шума ветра, – ибо находящиеся здесь на отдыхе важные персоны не любили, когда тишину нарушали слишком громкие звуки человеческой речи. Черные глазки камер слежения, закрепленные по всему периметру гостиничного комплекса, отмечали каждый шаг его обитателей. В отдалении слышались редкие, едва уловимые хлопки, которые опытное ухо Гришина сразу квалифицировало как выстрелы из охотничьего ружья. В общем, жизнь тут если не кипела, то шла в своем отлаженном, благоустроенном ритме, и ритм этот вполне устраивал тех, кто проживал здесь временно или постоянно.

Не успел Гришин подойти к дверям гостиницы, навстречу ему вышел прапорщик в погонах внутренних войск, почти близнец того прапорщика, который встретил Гришина у ворот.

Этот, правда, смотрел чуть приветливее. Наверное, проход главного кордона автоматически давал гостю право на некоторое подобие местного радушия.

– Добрый день, – кивнул Гришин, протягивая удостоверение.

– Добрый день, – эхом отозвался прапорщик, внимательно, если не сказать вьедливо, изучая удостоверение.

– Где я могу найти генерала Антипова? – спросил Гришин.

– Товарищ генерал на стрельбище, – немедленно ответил прапорщик, возвращая «корки». – Вас проводить или подождете у нас в холле? Он скоро вернется. Может, вы хотите связаться с ним по телефону?

– Лучше я прогуляюсь по лесу, – сказал Гришин. – Хоть я и приехал по делу, но особенной спешки у меня нет. Пускай товарищ генерал спокойно закончит стрельбу, зачем лишать его такого удовольствия?

– О да, для него это большое удовольствие, – позволил себе вежливую улыбку прапорщик. – Стреляет он как заправский спортсмен. Подождите минуту, сейчас я вызову бойца, он вас проводит на стрельбище.

– Спасибо, прапорщик, дорогу я знаю, – остановил его Гришин.

– Сейчас прямо, потом по дорожке налево и по указателю...

– Да-да, я помню, спасибо. – Гришин кивнул и двинулся к лесу.

Некоторое время прапорщик смотрел ему в спину, точно сомневаясь, следовало ли отпускать гостя без сопровождения, затем достал сигареты и лениво поплелся в курилку, все еще лояв взглядом теряющийся среди деревьев и солнечных пятен силуэт Гришина.

По мере того как майор приближался к стрельбищу – а шел он не спеша, всюду наслаждаясь короткой возможностью подышать чистейшим целебным воздухом, – звуки выстрелов становились слышнее. Пах – раздавался одиночный выстрел. И спустя какое-то время тишину нарушали два выстрела подряд: пах-пах. Потом небольшой перерыв – стрелки перезаряжали ружья, – и снова: пах, пах-пах.

Гришин свернул по указателю и вышел к стрельбищу. Это была большая поляна, замыкаемая высоким холмом, в сторону которого и велся огонь. Домик для отдыха и хранения снаряжения, кокетливо выкрашенный в цвета летнего камуфляжа, находился у самого входа на стрельбище. Чуть дальше располагался огневой рубеж, у которого на удалении метров в пятьдесят друг от друга стояли всего два стрелка, что было неудивительно, учитывая полуденную жару. Они только что сделали очередные выстрелы и, переломив ружья, вставляли патроны.

Из домика выскочил теперь уже лейтенант и, хотя был предупрежден о подходе гостя, счел нужным также проверить удостоверение Гришина.

– Товарищ генерал стоит вторым номером, – мельком взглянув в документ, сказал лейтенант, явно торопясь обратно в дом, где он, судя по крошке хлеба в углу рта, как раз перекусывал.

– Я вижу, – улыбнувшись, кивнул Гришин, – спасибо, лейтенант.

Он еще издали, как только лес поредел, узнал высокую сутуловатую фигуру Антипова. Правда, в джинсах, светлой тенниске и бейсболке тот мало походил на того строгого видом генерала, которого знали и перед которым нередко трепетали подчиненные. Но не хватало еще, чтобы и на отдыхе, среди леса, он ходил в жарком кителе, брюках с лампасами и фуражке.

Лейтенант исчез в домике. Гришин слегка замялся, вдруг оробев перед необходимостью потревожить начальство без его ведома.

«Пускай выстрелит, потом подойду», – решил он, стоя в тени.

– Ну чего топчешься, Гришин? – прорезал тишину зычный голос Антипова, на всю жизнь поставленный в военном училище. – Иди сюда, я еще не отстрелялся. Давай иди уж, коль приехал.

Гришин смущенно улыбнулся и двинулся наискось через тень сосен к Антипову. Первый стрелок, крепыш с объемистым животом, даже не покосился на него, поднимая ружье к плечу. «Давай!» – крикнул он невидимому подавальщику. Метрах в сорока от него снизу вверх по дуге резко вылетела тарелка. Стрелок повел, повел дулом, тесно приложился щекой к ружью и нажал на спусковой крючок. Бахнул выстрел, приклад дернул плечо назад, тарелка в воздухе разлетелась на части.

«Красиво», – подумал Гришин, приближаясь к Антипову.

Тот как раз вогнал патроны и приставил приклад к плечу. Гришин невольно приостановился. «Давай!» – крикнул Антипов. На этот раз снизу выскочили сразу две тарелки, разлетаясь в разные стороны. Почти в ту же секунду Антипов выстрелом разбил одну тарелку, двинул дулом за другой, чуть помедлил и так же успешно поразил вторую цель.

– Здорово стреляете, товарищ генерал, – сказал Гришин.

– Не подлизывайся, – проворчал Антипов, привычным движением освобождая от гильз казенник великолепной тульской «вертикалки». Это был подарок министра по случаю одной успешно проведенной операции, и Антипов чрезвычайно этим подарком дорожил.

– Да нет, в самом деле... – осекся Гришин от такого приема.

– Ну, что случилось, говори, – чуть мягче сказал Антипов, отлично понимая, что Гришин не стал бы его беспокоить здесь по пустякам.

– Вчера у Бирчина и Магомеда Галаева в Лондоне состоялся какой-то важный разговор, – без обиняков начал Гришин, щурясь на солнце.

– Насколько важный? – немедленно уточнил Антипов, вытаскивая из почти пустого патронташа патроны и заряжая ружье.

– Галаев приехал к Бирчину вечером десятого июня. Но Сверчок сообщил, что с вечера они ни о чем серьезном не разговаривали. Так, Галаев лишь намекнул, что дело у него очень непростое. Вечером они развлекались, ужинали, выпивали – ничего стоящего. Но вот завтра они встретились во внутреннем дворике, где, как вы знаете, мы не имеем возможности прослушивать разговор, причем Галаев приказал удалить всех слуг, и беседовали с глазу на глаз несколько часов. После разговора оба выглядели очень довольными. Галаев уехал в тот же вечер.

– Что удалось узнать от Сверчка? – дослушав отчет, спросил Антипов.

– К сожалению, он имел слишком ограниченный доступ. Но, я думаю, следует обратить внимание на то, что Галаев был чрезвычайно доволен состоявшейся встречей, все шутил и смеялся с персоналом. Кроме того, когда он звонил по мобильному телефону, Сверчок смог уловить три слова: «шейх» и «он согласен».

«Давай!» – послышался сзади крик первого стрелка.

Гришин невольно обернулся. В небо взмыла тарелка, через две секунды грянул выстрел – и в траву полетели брызги осколков.

– Я все, Артем Кириллович, – крикнул первый стрелок Антипову.

– И я заканчиваю, – отозвался Антипов. – Последние патроны в патронташе. Куда сейчас?

На бочок, Павел Сергеевич?

– Нет, пойду на речку, окунусь. А то вспотел тут на солнцепеке.

– Ну, счастливо, Павел Сергеевич. Вечерком в бильярдной?

– Обязательно, Артем Кириллович, часиков в шесть буду.

Он махнул рукой и, на охотничий манер неся ружье под мышкой, направился к закамouflированному домику, у которого его уже ждал отобедавший и цветущий льстивой улыбкой лейтенант.

– Побереги-ка уши, – сказал Антипов Гришину, подымая ружье к плечу, и, когда Гришин отступил на пару шагов, крикнул:

– Давай!

Взлетели почти одновременно две тарелки – и почти слитно прозвучали два выстрела, вдребезги расколотив обе.

– Классно! – взаправду восхитился Гришин, трясая головой, чтобы прогнать возникший на минуту звон в ушах.

На сей раз Антипов не сдержал скупой улыбки – этот выстрел дуплетом был по всем меркам хорош. Такой уровень скорости и меткости мог показать только стрелок международного класса.

– Нормально, – проворчал генерал, выбрасывая гильзы на землю. – Ладно, на сегодня хорош, и так уже часа полтора пуляю. Люблю, знаешь, это дело, по молодости мог запросто целый день в тире или на стрельбище провести. Особенно любил новое оружие испытывать. Бывало, пришлют из Тулы или Ижевска пробные образцы для спецвойск – мы с ними на полигон и давай садить по мишеням магазин за магазином. Немало, между прочим, образцов и забраковали. Хотя в основном вещи качественные делали, тут ничего не скажешь, марка есть марка... Так, значит, Галаев с Бирчиным проговорили полдня?

– Не меньше, – подтвердил Гришин. – До этого они ни разу не вели столь пространственные разговоры. Час, максимум – два, а тут...

– Значит, назревает что-то серьезное, – нахмурился Антипов. – Лев Осипович человек подвижный и не любит подолгу молоть языком без веской причины. Чем-то Галаев его сильно заинтересовал.

– Надо думать, дело готовится масштабное, – продолжил Гришин, – если Галаев отчитывается о встрече с Бирчиным шейху. Если предположить, что это тот самый шейх Абдулкарим, который в прошлом году при посредничестве Галаева пытался организовать переход полутора тысяч боевиков из Турции в Дагестан для поднятия там сепаратистского мятежа, то положение лично мне кажется очень серьезным. Поэтому я поспешил предупредить вас лично...

– Правильно поспешил, – сказал Антипов, перекидывая ружье через плечо энергичным жестом. – Тут затевается большая гадость, это и ежу понятно. Эх, не шлепнули мы этого Абдулкарима еще в Пандшере, когда была возможность. Он ведь тогда в плен к нам попал, еле живой. Но злой был, черт, готов был нас зубами грызть, хотя наши же врачи и спасли его от смерти. Рана была в живот, кабы не наши хирурги – каюк ему в горах пришел бы. Командование тогда обменяло его на наших пленных. А жаль, надо было сразу его в расход, такие всю жизнь нас ненавидят люто. Хотя, конечно, ребят своих вытащили. Да что теперь вспоминать, дело прошлое. Как говорится, сколько языком ни мели, муки не будет. И вообще разговорчив я стал последнее время, видно, пора на пенсию.

Гришин деликатно на последнее замечание промолчал, по опыту зная, что Антипов может прикинуться таким добрым дедушкой, хоть к ране приложи, а потом в самый неожиданный момент вдруг и вспомнит то, что ты предпочел бы забыть навсегда. Что делать, столько лет в военной разведке, поневоле будешь придавать значение каждой мелочи. Привычка стала второй натурой, и здесь не было ни банальной фразы, ни преувеличения. Одна лишь чистая констатация факта.

– И еще, Артем Кириллович, – прилаживаясь к быстрому, упругому шагу Антипова, сказал Гришин, – до нас дошли какие-то странные сведения, что в лагерях по подготовке боевиков вербовщики ищут людей с гражданскими строительными специальностями.

– Сведения проверенные? – привычно уточнил генерал.

– Пока не слишком, – замялся Гришин. – Так, вчера поступил один косвенный сигнал, сегодня тоже. Мне это показалось подозрительным.

– Откуда пришли сигналы? Из одного места или из разных?

– Из разных. Таких людей вроде бы искали и в Пакистане, и в Сирии.

– Значит, таких людей требуется много. Для чего, спрашивается? Ох, что-то затевается, – покрутил Антипов носом. – Несет от твоих новостей, как от падали. Не знаю пока, что именно

задумал этот самый шейх, но подарочек он нам готовит знатный, и сомнений нет. Ладно, надо это дело хорошенько обмозговать. Сейчас сдам ружье – и пойдём-ка ко мне в хижину. Мне тут отдельные хоромы выделили – красота. Посидим, перекусим – ты, чай, с утра не евши, и подумаем хорошенько, чего нам от этих комбинаторов можно ожидать...

24 июня 2003 г., Москва

Капитан особой фельдъегерской службы Семенов должен был в этот день развезти пакеты по пяти объектам. С утра в спецархиве получил пакеты и маршрут движения с указанием адресов и лиц, лично в руки которым он должен был передать все, расписался в журнале учета и контроля и отправился по маршруту. Обычный день, ничем особым с утра не выделяющийся. Разве что жарковато было немного, но в машине работал кондиционер, как и в помещениях, где служили те, кого объезжал Семенов, так что жара его не пугала и не мучила.

Не то что людей на пыльных остановках. Бедняги теснились под узкими остановочными козырьками, лезли в жидкую тень деревьев – только бы спрятаться от раскаленных лучей. И то сказать, давно так не припекало. От асфальта поднималось дрожащее марево и волнистым столбом стояло в неподвижном воздухе. Да еще эти страшные выхлопы от бесконечных автомобильных колонн. Господи, как люди живут в этом кошмарном городе? И, главное, зачем так мучаются? Что их такого тут держит? Теснота эта невыносимая? Одни пробки на дорогах чего стоят! Хорошо вот сейчас тому, у кого есть кондиционер. А у кого нет? Это же можно очуметь, сидя час, а то и все полтора в раскаленной железной коробке. И не свернуть никуда, со всех сторон такие же бедолаги теснятся, – сиди и не рыпайся.

Водитель «тридцать первой» «Волги» Петр Кузьмич Сергеев, с которым курсировал Семенов, был старым, опытным шофером, Москву знал получше любого таксиста и благодаря этому никогда не стоял в пробках. Этого пустого дела он не допускал. Или в объезд махнет по каким-то неведомым переулкам, – глядь, и уж выскочил наперед всех. Или, в крайнем случае, сирену включит. А что, дело государственной важности, посторонись, ребята, важные бумаги везем важным людям, не дай бог опоздать. Ведь от того, попадет ли в срок нужная бумажка на стол нужному человеку, зависит порой без малого безопасность целого государства, всей России. Так понимал свою службу Семенов. И зевать в пробках, извините, некогда, раз такая служба.

Что содержится в документах, которые развозил фельдъегерь Семенов, он сам не имел ни малейшего понятия. Да ему и не полагалось этого знать. Вот пакет, а вот адресат, которому этот пакет должен быть доставлен. И все, выполнять. Он и выполнял, аккуратно, четко, ответственно, вот уже шесть лет, – и ни слова нарекания за все эти годы. Напротив, два раза получил благодарность за отличное несение службы. Один раз он отличился в Чечне, когда при обстреле колонны сумел спасти кейс с бумагами. Ну, там просто повезло, вовремя подошли наши «вертушки». Второй раз, примерно год назад, когда в их машину на Ленинградском шоссе, – тогда был другой водитель, не Кузьмич, этот бы сумел выскочить, – врезался груженный кирпичом «КамАЗ». Тогда, невзирая на тяжелую травму черепа, Семенов сумел выбраться из машины и, главное, вытащить сумку с важнейшими документами, существующими в единственном экземпляре, которые неминуемо сгорели бы в пожаре, потому что, пока подоспели пожарные, машина догорела дотла.

Да что говорить, всякое было. А по мелочам сколько всего случалось – и не упомнишь. Нервы тут нужны крепкие, ничего не скажешь. Особенно когда начальство высокое гневается, что не ему первому почту доставил. Каждый себя большим козырьком мнит, свои права качает. А как тут всем в первую очередь успеешь? Не разорваться же. Вот на днях один генерал разнос устроил, спите, мол, по дороге, а надо мухой летать... Полетал бы, жирный боров, показал пример. Орать все горазды, а ты попробуй эту безразмерную Москву за день объездить да все коридоры обойти. Но что говорить, когда он орет, аж слюни летят, да еще и кулаком по столу бухает? Другой бы на месте Семенова рапорт о переводе подал. Не первый ведь раз... А он ничего, стерпел. И даже спал ночью, не ворочаясь, как и всегда. На всякое г... внимание

обращать – себе дорожке выйдет. Так его еще покойная прабабка в деревне учила (дожила, кстати, до ста восьми годков). Так и жил.

Сегодня сразу поехали на Лубянку. Кузьмич вихрем проскочил через все светофоры и доставил Семенова даже раньше положенного времени. Пакет Семенов передал лично в руки хмурого полковника, который так расписался в ведомости, будто одолжение сделал, хотя сам служивый человек, должен понимать установленный порядок.

Дальше они поехали на Охотный Ряд. Хорошо, когда до объекта рукой подать и дорога широкая, свободная. Никакого волнения. Кузьмич тут завел разговор о последней воскресной рыбалке, и Семенов с жаром этот разговор поддержал. Сам был рыбаком заядлым, во сне видел себя на берегу озера с удочкой в руках. А то утречком, на заре, взять старую плоскодонку и поглубже, в камыши. Эх, и рыбу можно добыть хорошую. Вот только до отпуска дотерпеть. Шесть дней осталось, ерунда.

Вот и здание Государственной Думы. Тут Семенов бывал почти каждый раз, когда выходило его дежурство, и исходил все коридоры вдоль и поперек не один десяток раз. Где какой комитет находится, знал назубок, мог бы здесь гидом подрабатывать. Сегодня вот, например, он должен был доставить пакет в Комитет по надзору за исполнением наказаний. Пожалуйста, с закрытыми глазами мог найти.

Кузьмич плавно припарковался метрах в пятидесяти левее входа в Думу. Чтобы потом сразу удобно было выезжать. Семенов кивнул ему, подхватил кейс с почтой, который был прикован стальной цепочкой к его запястью, привычно огляделся – все спокойно, и вышел из машины. Захлопывая дверцу, уловил боковым зрением, что на него надвигается большой темный автомобиль. Полуобернувшись, увидел, как из тяжелого джипа с тонированными стеклами, остановившегося позади их «Волги», выпрыгнул человек в черном комбинезоне и маске и направил на него пистолет с глушителем... В следующее мгновение Семенов получил страшный удар в грудь и ударился спиной о дверцу «Волги». Уже падая на землю и теряя сознание, получил еще один удар молотом в грудь. Из какого-то тумана он увидел, что человек в черном специальными гидравлическими щипцами в одно мгновение перекусил цепочку сверхпрочной закалки, схватил кейс и пропал. После этого Семенов окончательно отключился.

Генерал Антипов узнал о нападении на фельдъегеря через полтора часа после случившегося. Совместно с Федеральной службой безопасности ему поручено было экстренно разобраться в происшедшем. Антипов вызвал полковника Медведева, своего ближайшего помощника, и майора Гришина. Ознакомив их с подробностями нападения, попросил высказать свои соображения.

– Уж слишком дерзкое нападение, – начал полковник Медведев, поправляя на переносице тяжелые очки, которые из-за жары то и дело медленно сползали вниз. – Чтобы прямо возле дверей Думы напали на фельдъегеря и отобрали кейс с документами! Сверхнаглость.

– Да что это, первый раз? – резко ответил Антипов. – Там давно уже бардак, как в проходном дворе. В прошлом году губернатора прямо у дверей застрелили. Потом на депутата покушались. Вечно какие-то митинги... И никаких мер повышенной безопасности не приняли, вот что самое главное. Так что это никакая не сверхнаглость, уважаемый Валерий Анатольевич, а очень четкий расчет. Преступники отлично знали, что возле Государственной Думы им совершенно ничего не грозит, и совершили нападение обдуманно и хладнокровно.

– Какая информация содержалась в похищенном кейсе, известно? – подал голос майор Гришин. – Для кого предназначалась?

– Известно. Но, как вы понимаете, частично, без упоминания конкретных фамилий, – глядя в листок и барабанив пальцами по столу, сухо сообщил Антипов. – Был пакет с указанием задач для секретной военной лаборатории, его должны были доставить на Садово-Спасскую. Был пакет с разработкой террористов-смертников для ФСБ – его фельдъегерь успел передать.

В Думу он должен был доставить пакет для Комитета по надзору за исполнением наказаний, где перечислялись места заключения особо опасных государственных преступников и были списки тех, кто их охраняет. И последний пакет надо было доставить для налоговой службы, там содержалась секретная информация о незаконных доходах некоторых высокопоставленных чиновников.

– Насколько высокопоставленных? – поинтересовался Медведев.

– Очень высокопоставленных, – сказал Антипов, поднимая глаза.

– Ну, тут без конкретных фамилий мы много не накопаем, – заметил Медведев. – Если нам не сообщат фамилии тех, кто был в списке, мы никогда не сумеем понять, кому понадобилось похищать информацию.

– Фамилии отказались сообщать наотрез, – с досадой сказал Антипов. – Дескать, незачем тревожить столь важных людей. Мы должны найти тех, кто украл кейс, и сделать это тихо и чисто, чтоб никто ничего...

– Как всегда, – проворчал Медведев. – Замкнутый круг. Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что. И как тут работать?

– Будем исходить из того, что имеем, – остановил его Антипов. – Ты сам прекрасно знаешь, Валерий Анатольевич, что против больших дядей не попрешь. Впрочем, как знать, возможно, они еще и поделятся нужной информацией. А пока будем работать с тем, что нам известно.

– Странно, почему водителя оставили в живых? – задумался Гришин. – Обычно столь важных свидетелей убирают, не задумываясь. А тут два выстрела в бронежилет – и никаких контрольных в голову.

– Возможно, он был в сговоре с преступниками, – пожал плечами Медведев. – Он сообщил время и место доставки почты, а они в знак благодарности взяли обещание оставить его в живых. Разумеется, помимо обещанного гонорара.

– Ну, разумеется, – усмехнулся Антипов. – Иначе на кой он ему? Но в случае с фельдъегерем есть одна существенная деталь: сам-то он не знает, какого рода информацию везет. То есть он знает лишь своего адресата – и все. Так что сообщить преступникам о том, что в такое-то время он везет туда-то такую-то информацию он попросту не мог.

– Тогда нужно в первую очередь искать среди тех, кто отправлял и принимал информацию, – сделал вывод Гришин. – Но, если учитывать, что у нас целых три объекта, а мы располагаем мизером информации, – найти такого человека будет очень сложно.

– О чем я и говорю, – подхватил Медведев. – Мы же не знаем, кто заказчик похищения. То есть абсолютно неизвестны мотивы. Возможно, кого-то интересует секретная лаборатория. Тогда нужно подключать службу контрразведки, и пусть роют...

– Подключим, Валерий Анатольевич, – кивнул Антипов.

– Возможно, кому-то из госчиновников понадобилась информация о том, насколько глубоко налоговая инспекция раскопала его махинации, чтобы предпринять контрмеры или, наоборот, получить компромат или компроматы на высоких членов правительства, чтобы иметь на них эффективный рычаг воздействия. Может, кто-то хочет узнать, где находится бандитский авторитет, и попытаться организовать ему побег. – Говоря, Медведев тихонько пристукивал ребром ладони о стол, то и дело поправляя очки. – В общем, вся похищенная информация представляет интерес для огромного круга лиц, а мы будем тыкаться в потемках...

– Для начала надо отрабатывать версию с фельдъегерем, – словно не слыша возражения Медведева, бодро начал Гришин. – Этот капитан... э-э... Семенов действительно остался в живых при обстоятельствах, в которых живых свидетелей не оставляют. Тут возможны два варианта: либо он в самом деле, как заметил товарищ полковник, был в сговоре с бандитами, либо они решили подкинуть нам головоломку.

– То есть? – спросил Антипов, откидываясь на спинку стула.

– Ну, всем отлично известно, что свидетелей убирают. Семенов видел нападавшего, видел машину, – значит, пускай немного, но все-таки сумеет опознать. Значит, оставлять в живых его опасно. Но, с другой стороны, Семенов не видел ничего конкретного, так, общие картинки. Значит, помощь следствию от него почти нулевая. В то же время они, то есть преступники, могут использовать Семенова в качестве пустышки. Пускай, мол, останется в живых. Тогда следствие несомненно им заинтересуется, начнет допрашивать, отрабатывать какие-то версии, заведомо ошибочные, и, во-первых, потеряет на этом массу времени, во-вторых, есть вероятность, что оно и вовсе зайдет в тупик.

– Возможно... – задумчиво пробормотал Антипов. – Такое уже бывало, и не раз. Пустить следствие по ложному следу – это неплохой ход. Если, конечно, следствие по нему пойдет. Но мы, учитывая и такой вариант, конечно же, не оставим без внимания и ту, и другую версию. Значит, с одной стороны, капитан Семенов сотрудничает с похитителями, с другой – он типичная невинная жертва чьей-то игры. Что ж, надо все это оперативно выяснить. Допросить его, я думаю, мы сможем не далее чем завтра. Два пулевых ранения, хоть и в бронежилет, – штука тяжелая, это я по себе знаю. Сутки нужны как минимум, пока оклемается. А пока надо побеседовать с водителем машины.

– А что с него возьмешь? – ворчливо заметил Медведев. – Водитель у них вообще только и знает, что баранку крутить. Ему с утра даже маршрут неизвестен. Фельдъегерь говорит – надо ехать туда, он и едет. Так что сообщить что-либо преступникам, если предположить между ними возможную связь, он вряд ли имел возможность.

– Ну, как сказать, – возразил Антипов. – Водитель все-таки живой человек, не робот, мог разговориться с курьером, узнать от него весь график передвижения. Например, под простым предлогом того, чтобы наметить заранее объезд пробок. Все-таки работают они в связке.

– А возможно, они оба в сговоре с бандитами, – вставил Медведев.

– И такое может быть, – согласился Антипов. – Так что работать уже есть с чем. Если по горячим следам мы не раскопаем ничего стоящего, буду требовать предоставления более подробной информации.

– Интересно, почему они выбрали местом нападения именно Думу? – спросил Антипов. – Почему не напали на курьера раньше, например, на выезде из спецархива? Или позже? И по какой схеме они отслеживали маршрут движения? Заранее знали, когда машина прибудет к Думе, и ждали неподалеку? В этом случае кто-то из сидевших в машине наверняка сообщил им о своем приближении. А если все же ни курьер, ни водитель не связаны с преступниками? Тогда откуда они могли узнать, когда именно подъедет машина? Ведь, чтобы так четко и быстро провести операцию, надо подоспеть в самый нужный момент.

– Если похитители не связаны с курьером и водителем, тогда они сами, понятное дело, вели слежку за машиной, – сказал Медведев, протирая платком переносицу. – Возможно, все время от начала маршрута ехали следом и, как только увидели, что наступил удобный момент, совершили нападение непосредственно с колес. Возможно, одна машина следовала за курьером, другая поджидала возле Думы, готовя нападение.

– Да, версий с избытком, – подытожил Антипов. – Мне, например, очень интересно, почему курьеру не дали все-таки уехать с документами дальше Охотного Ряда? На Лубянке трогать не стали, возможно, не захотели злить ФСБ и позволили курьеру оставить там первый пакет. Но вот дальше Думы не пустили. Не говорит ли это о том, что больше всего их интересовал пакет, адресованный думскому Комитету по надзору?

– Трудно сказать однозначно, – помолчав, сказал Медведев. – Очень может быть, что так оно и есть. Но возможен и другой вариант.

– Например? – спросил Антипов, наливая воды из графина.

– Например, они не хотели рисковать, мотаясь на хвосте у машины с курьером. В конце концов, тот ведь мог заметить слежку и сообщить об этом службе перехвата. Поэтому, пропу-

стив Лубянку, информация для которой их не интересовала, они не стали тянуть, чтобы не попасть в сложную ситуацию, и напали в удобный и безопасный для них момент. Есть и другое объяснение, почему они совершили налет возле Думы.

– Какое же? – прищурился Антипов из-за поднятого стакана.

– Все тот же ложный след. Они хотят запутать нас. Пускай, дескать, следствие думает, что нам нужен пакет для Комитета по надзору. А на самом деле охотились они как раз за другим. А может, все с точностью до наоборот: пускай подумают так, а на самом деле целью был как раз думский пакет. Вот вам, господа следователи, еще одна задачка.

– И поди догадайся, где верный ответ, – мрачновато изрек Антипов. – Да, наставили нам рогаток. Ладно, будем работать. Гришин, ты пока займешься опросом свидетелей. Служба безопасности уже приступила, так что незамедлительно к ним присоединяйся. С полковником Лихариным ты знаком, так что созванивайся с ним и выезжай на место.

– Есть, – кивнул Гришин. – Разрешите доложить, товарищ генерал?

– Докладывай, – кивнул Антипов. – Только быстро, время поджимает.

– Вы спрашивали вчера по поводу боевиков со строительными специальностями, которых ищут в учебных лагерях.

– Да, помню, спрашивал. Так что с ними? Есть новости?

– Этих людей переправляют в Европу. Англия, Франция, Германия. Трудно за ними проследить, вы сами знаете, как мало у нас агентов. Но те, за которыми удалось установить наблюдение, едут в Европу.

– Угу, – побарабанил пальцами по столу Антипов. – Что-то задумали господа террористы. В толк не возьму, зачем им столько строителей?

– Возможно, хотят в Европе устроиться работать на стройках, чтобы незаметно начинить их взрывчаткой и потом взорвать, – высказал предположение Медведев. – На перспективу, так сказать, работают.

– Кто знает, возможно, именно так дело и обстоит. Во всяком случае, надо предупредить наших зарубежных коллег и дать им всю имеющуюся информацию по этим людям. Гришин, распорядись об этом в отделе.

– Есть, – Гришин поднялся из-за стола. – Разрешите идти?

– Идите. Валерий Анатольевич, а ты пока займись проверкой всей информации на этого капитана Семенова и водителя. Подними все, что только можно, в том числе и на их родителей. В таком деле каждая мелочь важна... Ну, ты это не хуже моего знаешь.

– Все понял, Артем Кириллович, – кивнул Медведев. – Сейчас займусь.

– Ну а я, как всегда, подставляю голову начальству. Буду звонить, требовать, э-э-э... просить более подробную информацию. Ты прав, конечно, на том мизере, что нам дали, мы далеко не уедем.

16 июня 2003 г., Лион

Джелал глядел из окна автомобиля на высокие, роскошные дома, на проплывающие широкие тротуары, полные нарядных сытых людей, на сверкающие витрины магазинов, которым не было числа, на потоки новеньких автомобилей, каждый из которых стоил целое состояние, – и понимал, что слова муллы Сулеймана были чистейшей правдой.

В свои неполные двадцать лет он уже многое знал о жизни. Граница с Индией была совсем рядом с их деревней, и война в той или иной степени всегда шла рука об руку с его детством. Почему жители маленькой пакистанской деревни жили так бедно, Джелал усвоил с малых лет. Это происходило оттого, что индусы – неверные – захватили их исконные земли, нагло пользовались ими вот уже сколько лет и не собирались уходить с них. Трусливые и вероломные, они обладали многочисленным войском и более совершенным оружием. Но, кроме этого, они ничего не могли противопоставить храбрым воинам Аллаха и поэтому вынуждены были постоянно трястись за свои шкуры.

Устройство автомата Калашникова Джелал узнал в девять лет. Дядя Саид, знаменитый воин, показал ему, как им пользоваться, и даже разрешил пострелять в сторону границы. В четырнадцать лет Джелал в составе группы из двадцати пяти человек – он был самым младшим – совершил нападение на приграничную индийскую деревню.

О, тогда они славно отомстили. Подожгли храм с прячущимися там индусами, а тех, кто пытался выскочить, срезали автоматными очередями. Джелал тогда впервые убил человека – и чувствовал от этого только гордость. Ведь он убил врага ислама, а Коран повелевает беспощадно расправляться со всеми неверными. После этого Джелал участвовал еще во многих подобных вылазках, и список убитых им врагов неуклонно пополнялся, так что к двадцати годам он перевалил за полсотни.

Отец Джелала был мирным человеком. Вся жизнь он проработал плотником, и самое грозное оружие, которые он держал в руках, был простой плотничий топор. Ремесло плотника передавалось в семье из поколения в поколение, и отец Джелала владел им очень хорошо. Он был известным мастером и вечно ходил по округе с инструментами за спиной, добывая кусок хлеба своей многочисленной семье. Он выучил плотницкому ремеслу и своего старшего сына, Джелала, и тот, из уважения к отцу, старательно освоил всю его нехитрую премудрость. Отец полагал, что каждый человек должен владеть профессией, которая всегда позволит ему прокормиться. Джелал не спорил с отцом, и к восемнадцати годам топор или рубанок в его руках мелькали очень быстро и очень ловко. Однако Джелал не хотел всю жизнь бродить с мешком инструментов за спиной в поисках работы. Он любил и чтил своего отца, как и положено истинному мусульманину, но в душе слегка презирал его за безобидность и неумение владеть боевым оружием.

Другое дело – дядя Саид. Это был настоящий прирожденный воин. Он с детских лет владел сердцем Джелала и был его первым и главным наставником в постижении воинской науки, науки, которая была гораздо ближе душе Джелала, нежели скучное махание теслом или фуганком.

Дядя Саид вел удивительную, захватывающую жизнь, полную подвигов и путешествий. Он рассказывал Джелалу о далеких странах, где живут их братья и борются с неверными, захватившими их исконные земли. Он был покрыт шрамами, а левый глаз у него был стеклянным. Его боялись и уважали все жители деревни, а мулла Фарид почтительно здоровался с ним и советовался, как с первым мудрецом. Дядя Саид надолго, порой на годы, исчезал из деревни и возвращался с новыми шрамами и новыми рассказами. Порой к нему приезжали незнакомые важные люди и подолгу вели с ним неторопливые разговоры. Дядя Саид был богат и всегда привозил дорогие подарки своим бедным родственникам. Джелал как святыню хранил кинжал,

который дядя Саид подарил ему на день рождения. Отец Джелала не очень одобрял тесную дружбу сына со своим воинственным братом. Он гораздо больше хотел, чтобы Джелал любил работу плотника и они вдвоем смогли бы зарабатывать хорошие деньги. Но Джелал уже сделал свой выбор.

Когда ему исполнилось девятнадцать, дядя Саид отвез его в военный лагерь, где из молодых неотесанных парней готовили опытных, умелых бойцов. Дядя Саид сказал Джелалу перед расставанием, что Джелал должен стать образцовым курсантом, чтобы не опозорить своего дядю и свою семью. А потом, после пройденного курса, дядя Саид возьмет его с собой за границу, где Джелал сможет показать себя в настоящем деле, которое на века прославит его имя. Джелал горячо обещал стараться изо всех сил – и обещание свое выполнил.

С рассвета до заката в отдаленном горном ущелье, где располагался лагерь, шло обучение молодых воинов. Им тут не давали ни секунды на отдых. После утреннего намаза легкий завтрак – и вперед на полосу препятствий, по которой злые, как волки, инструкторы (среди них были и неверные) гоняли курсантов до изнеможения. Сначала Джелал, несмотря на то что от природы был жилист и вынослив, едва не терял сознание от усталости, когда в сотый раз его посылали прыгать через разной высоты барьеры, бегать по узким бревнам, с ходу в полном снаряжении преодолевать вплавь двадцатиметровый бассейн, ползти в быстром темпе под низко натянутой колючей проволокой, прыгать через громадные костры из автомобильных шин, бегать на карачках по узким подземным тоннелям. Поначалу это было похоже на бесконечную пытку, ибо инструкторы не ведали жалости и гоняли новичков до седьмого пота. Передохнуть можно было только во время намаза да коротких перерывов на прием пищи, очень, надо сказать, скудной. Но постепенно Джелал и другие юноши из его группы начали преодолевать полосы препятствий сравнительно легко. Тогда, наряду с бегом, их начали обучать рукопашному бою, и делали это очень сурово, так что на занятиях курсанты колотили друг друга практически всерьез, и такие травмы, как вывихи и переломы конечностей, были не столь уж редким явлением. Но зато все осваивалось предельно быстро и эффективно.

Нечего и говорить, что первостепенная важность придавалась стрелковому делу. Каждый курсант должен был владеть основными видами вооружения, наиболее распространенными в мире, как своею собственной рукой. Автомат Калашникова, любимое оружие всех повстанцев, американский «М-16», израильский «узи», пистолеты системы «кольт», Стечкина, Макарова, «беретта», «хеклер-кох», снайперские винтовки Драгунова и «ФР-Ф-1», пулеметы, минометы, гранатометы, огнеметы, базуки, ракеты типа «земля – воздух» – все, что изрыгало гром и смерть, должно быть освоено курсантами в совершенстве. Стреляли из всех перечисленных и других видов оружия днем и ночью, из положения лежа и на бегу, из засады и с брони бэтээра, идущего на полном ходу. На боеприпасах не экономили, их хватало в избытке.

Светловолосые инструкторы из европейских стран учили курсантов подрывному делу. Мулла Сулейман, который проводил с курсантами вечерние разъяснительные беседы, сказал, что эти инструкторы, хоть и неверные, сами сражаются против тех, кто захватил их земли, и что курсанты обязаны их слушаться, как самого муллу Сулеймана.

Рыжий веснушчатый инструктор по имени Боб обучал группу, в которой служил Джелал. Под его руководством курсанты постигали высокую премудрость всевозможных взрывных устройств. Тут они учились делать бомбы из предметов бытовой химии, закладывать на дорогах мощные радиоуправляемые фугасы, ставить незаметные мины-растяжки среди скал и в кустарнике, собирать часовые механизмы, готовить пояса шахидов для великих мучеников, разбираться в устройстве всех видов противотанковых и противопехотных мин и еще многим вещам из того богатейшего арсенала смертельно опасных знаний, накопленного поколениями взрывников всех государственных и повстанческих армий во всех уголках мира.

Кроме того, их учили всевозможным способам ориентирования на местности, способам оказания первой медицинской помощи при разного вида ранениях или заболеваниях, различ-

ным способам связи, маскировке и обустройству временного убежища, употреблению в пищу того, что растет и ползает прямо под рукой, верхолазанию и вождению военных и гражданских типов транспорта, самогипнозу и умению терпеть боль при пытках. И дополнительно ко всему инструкторы методично вбивали в головы своим курсантам ходульные фразы из английского, русского и французского языков, так что спустя полгода те уже могли вполне сносно, хоть и примитивно, объясниться на любом из этих трех языков.

К концу годичного курса Джелал из неопытного партизана, который до того мог похвастаться разве что умением метко стрелять из автомата и быстро бегать по горам, превратился в хладнокровного, великолепно обученного универсального диверсанта, который мог выполнять различного рода задания в любой европейской или ближневосточной стране. Дядя Саид мог бы теперь гордиться своим племянником.

Когда до окончания курса оставалось две недели, в лагерь приехал незнакомый человек. После его разговора с инструкторами курсантам-выпускникам было приказано построиться.

Командир лагеря полковник Надир вышел перед строем курсантов, уже готовых воинов, мускулистых, смелых, готовых броситься в огонь и воду по первому его слову. Рядом с ним стоял тот самый человек и непроницаемо смотрел на курсантов черными стеклами солнцезащитных очков. Полковник Надир с гордостью оглядел своих выпускников. Все-таки они не зря провели здесь этот год. Настоящие солдаты.

– Мне нужны люди, которые обладают какой-либо строительной специальностью, – сказал он, немало удивив своих подчиненных.

Они готовились услышать что-то совсем другое, вроде того, что на днях они примут бой с врагами. А тут вдруг понадобились строители. Разве они целый год бегали, стреляли и учились всем премудростям войны для того, чтобы ехать на стройку? Лица курсантов, понятное дело, ничего не выразили, их слишком хорошо тут вымуштровали. Но в головах возникла путаница – и полковник Надир мгновенно это уловил.

– Тех, кто сейчас выйдет из строя, ждет особо опасное и почетное задание, – внушительно сказал он. – Еще раз повторяю: кто имеет какую-нибудь строительную специальность – выйти из строя!

Джелал колебался ровно одну секунду. В общем, он не то чтобы обладал строительной специальностью, но плотницкому делу отец его обучил, а при строительстве любого дома без плотника не обойтись. Стало быть, призыв полковника Надира напрямую относился к нему. Он хлопнул по плечу впередистоящего курсанта и, когда тот освободил проход, вышел из строя. Вместе с ним вышли еще несколько человек.

Их увел с собой приезжий человек в черных очках. После короткой, но внушительной инструкции уже этим вечером они уехали из лагеря на старом автобусе и к утру были в небольшом арабском городке. Тут их разделили по одному, отправив на различные маршруты передвижения. Джелала, например, посадили в очень удобный микроавтобус «Форд» и долго везли по узкому шоссе среди пустыни. Джелал уже умел смотреть по сторонам, и вскоре по табличкам на дорожных знаках он понял, что находится в Иране и движутся они к иранской столице Тегерану.

Да, действительно микроавтобус привез его в Тегеран. Тут, после одной ночи сна в чьем-то гостеприимном доме, Джелала привезли в аэропорт и посадили на огромный серебристый «Боинг».

Несмотря на первый в своей жизни полет на самолете, никакого страха он не испытывал. Он твердо знал, что его жизнь находится в руках Аллаха, и если ему суждено было погибнуть в авиакатастрофе, значит, так тому и быть. На все воля Аллаха.

Другое занимало его в пути. Сначала Джелал присматривался к пассажирам, людям весьма небедным, как он установил по их одежде и обилию драгоценностей на красивых женщинах. Затем начал изучать внутреннее расположение проходов и отделений в самолете, с тем

чтобы получше запомнить все на случай его захвата. Да, тут вполне можно управиться даже вчетвером. Если поставить одного человека с автоматом сюда, второго – туда, один блокирует переход в пилотное отделение, а четвертый берет под контроль весь нижний отсек, то с пассажирами и командой можно сделать все, что хочешь. Эти жирные трусливые шакалы вряд ли окажут какое-либо сопротивление. А если и попытаются, то убийство одного мгновенно утихомирит остальных. Будут сидеть, не дыша, как стадо баранов, вместо того чтобы накинуться всей толпой и, пускай даже ценой нескольких смертей, обезоружить захватчиков. Джелал видел несколько документальных съемок и всегда поражался трусости мужчин-пассажиров. Даже женщины вели себя мужественнее. А эти втянут головы в плечи и сидят, опустив глаза. А чего ждут, если все равно конец у них один?

Потом Джелал уснул, а когда проснулся, долго смотрел в иллюминатор. Внизу проплывали цветущие зеленые долины, нежно-голубые морские лагуны, многочисленные реки. Благословенная земля, истинный рай на земле. По какому праву неверные захватили себе самые лучшие, богатые земли, а мусульман оставили пропадать в бесплодных пустынях и горах? Кто и где так решил и почему так теперь должно быть всегда?

Мулла Сулейман говорил, что тысячу лет назад неверным стало мало своей земли, и они двинулись бесчисленной армией конных рыцарей, закованных в железо, на мусульманские земли, чтобы и их подчинить себе. Несколько раз они ходили в такие походы, но воины Аллаха в кровопролитных боях сумели отстоять свою землю и выгнать поганых прочь. Но неверные все равно не унимаются. Во все времена они стремятся захватить мусульманскую территорию. Вот совсем еще недавно русские, которым вечно мало земли, оккупировали Афганистан и целых десять лет насаждали там свою нечистую веру. Но афганцы настоящие воины, и они смогли, несмотря на тяжелые потери, победить русских и заставить их убраться туда, откуда пришли. Французы долгое время держали в подчинении Алжир, древний оплот мусульманства в Северной Африке, но алжирцы в конце концов получили независимость от оккупантов благодаря своей неустанной борьбе. Палестинцы сколько лет уже храбро воюют с Израилем за возвращение своих земель. Сейчас Америка, злейший враг мусульман, держит свои войска в Афганистане и вдобавок захватила Ирак, чтобы выкачивать оттуда нефть, главное богатство страны, в свои бездонные запасники. А ей помогают ее ближайшие приспешники – Англия, Германия, Италия и другие богатые европейские страны, которым сколько ни дай – все мало. Терпеть такое невозможно. Надо, чтобы поистине земля горела под ногами оккупантов. Причем не только на той земле, которую они захватили, но и на их родине, чтобы страх охватывал их жен и детей и заставлял неверных навсегда отказаться от посягательств на священное знамя Аллаха. Да, они очень умны и коварны, на их стороне самая современная техника и громадные денежные запасы. Но они слабы и трусливы, их тела и души изнежены роскошной жизнью, а вера лжива и продажна. Если их бить неустанно по самым незащищенным и болезненным местам, то они не выдержат и когда-нибудь попросят пощады, ибо так было и так будет всегда.

Вчера, перед тем как Джелал покинул перевалочный арабский городок, название которого он так никогда и не узнал, человек, который забрал его из лагеря, сказал, что они, добровольцы, направляются в Чечню, чтобы оказать помощь чеченским братьям в изгнании со своей земли российских захватчиков. Мулла Сулейман рассказывал курсантам и о Чечне. Русские силой оружия и обмана оккупировали их земли полторы сотни лет назад, но ни на один день не прекращалось ожесточенное сопротивление гордого чеченского народа русским оккупантам. Тогда русские, отчаявшись с ними бороться, пригнали всю свою армию, которая окружила города и поселки, и целыми железнодорожными составами вывезли весь чеченский народ в далекие пустынные земли, чтобы он там погиб от голода и лишений. Но чеченцы вернулись на свою землю и подняли знамя священной войны против русских собак. Вот уже много лет они ведут доблестную битву с неверными, но силы их неравны, и русские начинают торжествовать победу. Однако рано они радуются. Весь мусульманский мир – а он не имеет границ –

сочувствует борьбе чеченского народа и поддерживает его денежными и людскими ресурсами. Сейчас есть отличный план, подробно разработанный очень мудрыми людьми, который поможет Чечне поставить русских на колени и принять их условие. Подробности плана Джелал и остальные узнают после того, как окажутся в Чечне, чтобы исключить малейший риск утечки информации. А пока разными путями бойцы должны были переправиться через несколько границ и добраться до конечного пункта.

В Лионе, куда Джелал прилетел из Тегерана, его встретил невысокий плотный человек по имени Омран, ничем не выделяющийся среди тех, кто толпился в аэропорту с табличками в руках. Кратко обменявшись паролем на родном языке Джелала, он повел его за собой и усадил в хороший автомобиль. Через полчаса езды по громадному красивому городу («А у нас был один старый телевизор на всю деревню, который ловил два пакистанских канала», – с горечью думал Джелал, разглядывая роскошь улиц и витрин) они приехали на небольшую двухкомнатную квартиру с минимумом мебели. Здесь Джелал и остался, проводя в одиночестве долгие дни и не менее долгие ночи, ибо Омран изначально и категорично исключил какие-либо его контакты с посторонними.

25 июня 2003 г., Москва

Семенов приподнялся и сел на кровати, потирая тупо ноющую грудь. Вчерашний день остался в его памяти каким-то муторным нехорошим сном. Все, что произошло на Охотном Ряду, вспоминалось быстрыми калейдоскопическими отрывками. Было такое ощущение, словно сидел в кинотеатре, смотрел голливудский боевик – и вдруг сам оказался в гуще событий. Этот надвигающийся джип, человек в маске, выстрелы...

Как его привезли в госпиталь, он не помнил. Контузия от выстрелов почти в упор была слишком сильной, и он пришел в сознание только к вечеру. К тому же оба выстрела пришлись в область сердца, так ему еще повезло, что жив остался. Хотя, конечно, несколько странно, что налетчик не сделал контрольный выстрел в голову. Спешил слишком, что ли? Или не хотел усугублять налет убийством должностного лица?

Несмотря на лошадиную дозу успокоительного, Семенов полночи не спал, думая об этом нападении. Будучи далеко не новичком в системе, он хорошо знал, что хоть на нем и нет совершенно никакой вины, трясти его будут основательно. Шутка ли, похитили такие важные документы! Это тебе не простого деревенского почтальона с пенсией грабанули местные алкаши. Тут преступление государственной важности, и круги от него разойдутся ох как широко.

Сначала Семенов вспоминал вчерашний день, будь он неладен. Перебрал все до винтика, начиная от утреннего домашнего пробуждения и заканчивая... Впрочем, о том, чем закончилось, лишний раз он предпочитал не вспоминать. Уж слишком нехорошо вышло. Тьфу, е-мое, в таких же ситуациях проносило. В Чечне повезло, потом в этой аварии. А тут, на ровном месте, так попасть! Правду говорят, до трех раз везение надо испытывать. Вот на третьем-то он и споткнулся.

Хотя, конечно, дело не в везении. Понятно, что налетчики эти – не пацаны бритоголовые с кирпичом вместо мозгов. Тут все организовано по высшему классу, тютелька в тютельку сработано. Значит, за нападением стоит очень серьезная организация.

Но кто и когда успел заняться скромной персоной капитана Семенова настолько тесно, чтобы подловить его именно тогда, когда он окажется в самой беспомощной ситуации? Он даже дернуться за оружием не успел, не говоря уже о том, чтобы на помощь позвать. Кузьмич вообще никак не среагировал. Пока из машины вылезал – тех уже и след простыл. Они напоследок еще и заднее колесо прострелили, чтобы у Кузьмича не было возможности пуститься за ними следом. Да куда там ему в догонялки играть? Старик сам едва в штаны не наделал. Хорошо хоть побежал в Думу за помощью, и Семенова вовремя в больницу доставили. А то ведь неизвестно, как эта контузия сказалась бы на здоровье.

Правда, пока трудно сказать, хорошо ли. С работы сейчас попрут, это и понятно. До пенсии три года не дотянул, так что придется искать работу на гражданке. А что он умеет? Если подумать, то ничего. А дома две дочери-старшеклассницы, вытянулись выше матери, сидят, как птенцы в гнезде, с вечно разинутыми клювами. Знай только неси. Когда они еще сами на ноги встанут? Эх, и не дожدهшься. Пока тут работал, то, конечно, грех было жаловаться, всем хватало. А теперь как будет?

Какая же все-таки сволочь продала капитана Семенова? Кто пустил по его следу налетчиков? Стоп! А при чем тут капитан Семенов, сказал он себе. Налетчики охотились за документами, а вовсе не за ним. Стало быть, на его месте мог вчера оказаться любой другой курьер, и точно так же у него отняли бы кейс... Значит, ему действительно не повезло. Не повезло по-крупному, как бывает только раз, после чего вся жизнь идет насмарку. Просто он оказался крайним, вот и все.

Семенов попытался представить себе тех, кто был заинтересован в похищении документов, – и голова пошла кругом. И хоть он и примерно не представлял себе содержание похи-

ценных документов, по наименованию получателей можно было без труда догадаться, что они имеют самое прямое отношение к государственной тайне.

Пришла медсестра, строгая пожилая женщина, принесла порошки с водой, дала выпить Семенову, заставила лечь. В маленькой квадратной палате с туалетом и умывальником находился он один. Дверь с уходом медсестры запиралась снаружи на ключ, на окне чернела решетка. Из коридора – ни звука. Это был специализированный госпиталь ФСБ, предназначенный для содержания и лечения разного рода больных. Семенов порядок, принятый в системе, понимал и уважал. Что ж, надо так надо, ему обижаться не на что. Проворонил кейс – теперь сиди тут, в этой почти тюремной больничке, и жди разбирательства.

А оно не заставило себя ждать. Через полчаса после ухода медсестры двое плечистых молодых мужчин в белых халатах внесли четыре стула и застыли у стены, глядя прямо перед собой. Вслед за ними в палату гуськом вошли четыре особы, одна в генеральском мундире, вторая в полковничьем, две другие в строгих гражданских костюмах. При виде генерала Семенов совсем уже опешил, и, хотя по службе доводилось видеть ему генералов и даже маршалов, появление одного из них в этой палате, где он лежал в мятой пижаме, небритый и растрепанный, произвело на него чрезвычайное впечатление. Он вскочил было с кровати и стал по стойке «смирно», но генерал махнул рукой и густым – генеральским – голосом приказал: «Лежите».

Семенов залез обратно на кровать, но положения принял как можно более строгое, с вытянутыми по швам руками. Посетители расселись полукругом в торце кровати, так что теперь отовсюду на Семенова глядели строгие, беспощадные глаза. Парализованный этими взглядами, первые минуты разговора он отвечал, почти не думая о том, что говорит, и лишь спустя какое-то время немного пообвык и осмелел.

– Представляться мы не будем, я думаю, что вы сами хорошо понимаете, с кем имеете дело, – начал один из гостей в гражданском костюме, лысый мужчина с мощной нижней челюстью и пронзительным взглядом. Возраста он был немолодого, но сколько ему, пятьдесят или уже за шестьдесят, Семенов затруднился бы ответить. – Но, если вы желаете, я могу назваться и представить своих спутников.

Семенов отрицательно мотнул головой и судорожно сглотнул.

– Хорошо, – сказал лысый. – Мы зададим вам ряд вопросов, а вы отвечайте на них как можно точнее и правдивее, договорились?

Семенов кивнул, незаметно комкая в кулаке угол простыни. Вот ведь не виноват же, а чувствовал себя так, точно сам украл этот кейс.

– Прежде всего предлагаю вам сделать добровольное признание, чтобы уменьшить тяжесть совершенного вами преступления! – отчеканил лысый, впиваясь в Семенова не двумя, а десятью, как тому показалось, огненными глазами.

– Так это... – забормотал Семенов, вжимаясь плечами в подушку, – я, конечно, готов признаться... Вы только скажите, в чем...

– В том, что с вашей непосредственной помощью совершено хищение особо секретных документов, – простучал железом по темени лысый.

Семенов наконец понял, о чем идет речь. Он приоткрыл рот и, как кролик на удава, беспомощно уставился на лысого. Понятное дело, он не ждал, что его будут гладить по головке, не маленький. Но чтобы ему вот так категорично предлагали, или даже приказывали, признаться в похищении им документов – такого Семенов и представить не мог.

Четверо напряженно ждали его ответа, и Семенов понял, что ему надо им что-то отвечать. Пересохшее горло выдавило какой-то каркающий звук, отчего Семенов окончательно ступевался.

– Виноват... – кое-как откашлявшись, сказал он. – Но я никому никакой помощи не оказывал...

– Тогда как вы объясните то, что нападавшие намеренно оставили вас в живых, хотя при подобных нападениях свидетелей всегда убивают? – немедленно перебил его лысый, пригибая большой тяжелый лоб.

– Этого я не знаю... – пробормотал Семенов. – Сам полночи голову ломал, все думал, почему так вышло? Наверно, пусть бы лучше меня застрелили, только чтоб документы остались при мне...

Его до крайности простодушный ответ несколько не смягчил лысого. Напротив, он еще злее вцепился в свою беззащитную жертву.

– Наверное, это они вам посоветовали разыгрывать из себя святую невинность? – насмешливо, с оттенком презрения, спросил он.

– Что? – не совсем понял Семенов. – Простите, у меня в голове шумит... Контузия... Врач сказал, через несколько дней пройдет.

– Отлично! – восхитился чему-то лысый и, помолчав пару секунд, вдруг оглушительно рявкнул: – Хватит валять дурака!

Семенов окончательно растерялся. Да чего от него хотят-то?

– Вы будете отвечать на вопросы, как мы условились?! – с таким видом, будто вот-вот потеряет терпение, спросил лысый.

– Так я же отвечаю, – пролепетал Семенов. – Вы спрашивайте...

– Хорошо, – на этот раз как будто мягче сказал лысый и неожиданно в упор глянул на Семенова. – Каким образом вы поддерживали связь?

– С кем? – старательно силясь ему помочь, спросил Семенов, начисто разрушив хитроумность разыгрываемой лысым комбинации.

– С теми, кто похитил документы, – буркнул тот раздраженно.

– Так это... – снова растерялся Семенов. – Не знаю я их...

– Понятно, – вмешался генерал Антипов, и Семенов с облегчением перевел измученный взгляд на него. – Скажите, Юрий Леонидович, а что вам вчера показалось непривычным, может быть, даже подозрительным? Вы ведь сами наверняка анализировали события вчерашнего дня?

– Так точно... – подтвердил Семенов, не сразу приходя в себя после ошеломительного напора лысого дознавателя. – Думал, товарищ генерал, все до мелочи припомнил, полночи не спал, вспоминал...

– Ну, и что вспомнили? – бесцеремонно влез лысый, отчего генерал едва заметно поморщился, что успел заметить Семенов.

– Нет, ничего такого особенного, – отрицательно покачал головой Семенов. – День как день, с утра все как обычно, получение почты и затем движение по маршруту... Нет, ничего особенного.

– А график маршрута вы когда узнали? – снова опередил генерала лысый, и теперь уже молчаливый полковник недовольно глянул на него.

– Как обычно, с утра, – успокаиваясь, ответил Семенов. – Но у нас нет жесткого маршрутного графика. Есть адреса, по которым мы должны доставить документы, и приоритетность доставки. Вчера, например, я должен был сначала доставить почту на Лубянку – туда мы и поехали в первую очередь. А потом уже двигались как удобнее, то есть быстрее.

– Ага, – лысый что-то пометил в блокноте, но с вопросом повременил.

– А почему вы с Лубянки поехали на Охотный Ряд? – спросил на этот раз полковник Медведев, пользуясь временным затишьем. – Ведь оттуда вам удобнее было ехать сразу на Садовую-Спасскую.

– Оно-то удобнее, – согласился Семенов, с удовольствием заговаривая о предмете, который он знал назубок. – Но к Думе было гораздо ближе, а зачем мне возить по кругу лишний пакет, если я могу доставить его намного быстрее? И потом, все равно нужно было заезжать на Страстной бульвар, так что туда с Охотного Ряда было тоже удобно ехать...

– Так, хорошо, – сказал Антипов, быстро переглянувшись с лысым, который пока молчал, изредка что-то быстро вписывая в блокнот. – А скажите, Юрий Леонидович, в последнее время вы не замечали особого внимания к себе со стороны каких-либо людей или отдельного человека?

– Нет... – пожал плечами Семенов. – Ничего такого...

– А вот на службе? – подхватил тему Медведев. – Возможно, кто-то с вами слишком откровенно начал разговаривать, вызывать на доверие, чего раньше не было? Невзначай интересовался вашими планами?

На этот раз Семенов задумался надолго – с минуту томил высокое начальство, – но ничего существенного вспомнить не сумел.

– Нет, – с сожалением сказал он, сам расстраиваясь из-за того, что ничем не может помочь следствию. – Никто ни о чем не спрашивал.

– А вчерашний ваш водитель? – спросил напарник лысого, тоже в штатском, только моложе и лицом малость приятнее. – Он не проявлял слишком большого интереса к маршруту передвижения?

– Кузьмич? – удивился Семенов. – Да нет, что вы, он не мог...

– Извольте отвечать на вопрос, – немедленно прервал его лысый.

– Нет, не проявлял, – подтянулся расслабившийся было Семенов.

– Когда он узнал, что вы поедете на Охотный Ряд? До того, как вы вышли из машины на Лубянке, или после? – вгрызался лысый.

– Согласно инструкции, я сообщил ему следующий адрес после своего возвращения, – сухо отрапортовал Семенов.

– А по дороге, пока ехали к Думе, водитель ни с кем не разговаривал по мобильному телефону? – нетерпеливо спросил напарник лысого.

– Нам не положено брать на выезд мобильные телефоны, – отрезал Семенов. – Для экстренной связи мы пользуемся рацией.

– А по рации водитель ни с кем не связывался? – гнул свое напарник лысого. – Может, вы как-нибудь отвлеклись, а он в это время...

– Нет, я не отвлекался, – буркнул Семенов. – И рацию никто не трогал. Мы вообще всю дорогу с Кузьмичом разговаривали о рыбалке...

Он осекся и посмотрел на генерала, машинально пытаясь найти в нем поддержку. Генерал смотрел серьезно, но без враждебности, и Семенов понял, что пока он отвечает в общем-то правильно, и даже упоминание про рыбалку каким-то образом пошло ему на пользу.

– Почему вы не извлекли свое оружие, когда на вас напали? – ударил неожиданно и по самому больному месту лысый.

На этот раз Семенов молчал уже совсем неприлично долго. Но его, как ни странно, не торопили. То ли давали возможность найти верные слова, то ли внимательно наблюдали за малейшими движениями мускулов на его лице искушенными в тысячах подобных допросов глазами.

– Не успел... – выдавил наконец Семенов, от стыда пряча взгляд.

– Неужели все так быстро произошло, что вы, тренированный, опытный офицер, не смогли воспользоваться оружием? – каркнул лысый. – Согласитесь, это звучит несколько неправдоподобно?

– Так точно... – еще ниже опуская голову, сказал Семенов, затем все-таки заставил себя посмотреть в глаза своему истязателю. – Но я на самом деле ничего не успел сообразить. Это было так быстро...

– Да, – веско вставил свое слово генерал. – То, что нападение было очень быстрым, показывают все свидетели, в том числе и упомянутый водитель автомобиля Сергеев. Это лишний раз говорит о том, что мы имеем дело с профессионалами высочайшего класса. Капитан

Семенов зарекомендовал себя хладнокровным и решительным исполнителем, и тому есть ряд достойных подтверждений. Но в данной ситуации даже он ничего не успел предпринять. Не говоря уже о водителе, который выбрался из автомобиля, когда налетчики уже скрылись.

Семенов растрогался от слов генерала так, что едва сдержал готовую вырваться из глаза слезу. Вот ведь, есть справедливость на свете, нашлось кому и за него доброе слово замолвить. А то прямо преступника этот лысый изверг из него чуть не сделал, аж шипит весь от злости. На генерала после этих слов так покосился – покусал бы, если б мог. Да генералу его косые взгляды – что танку горох, он держался своего особого мнения и на лысого никакого внимания не обращал.

– Итак, пока мы пришли к выводу, что ни до, ни во время следования по маршруту никто заметно вами не интересовался, – неторопливо продолжил генерал, и Семенов согласно покивал. – Тогда как налетчики смогли узнать, что именно вы везете интересующие их документы?

Все помолчали, не находя ответа на этот вопрос. Семенов потупился. Эх, товарищ генерал, спросил бы чего полегче...

– Давайте, Юрий Леонидович, припомним буквально по минутам весь ваш вчерашний день. Особенно утро этого дня. Мне кажется, что если мы и сумеем обнаружить след оборотня, то именно в связи с утренними событиями, пускай даже на первый взгляд они кажутся вам совершенно обычными и ничем не выделяющимся. Итак, начинайте по порядку. А мы слушаем и попытаемся направить ваше внимание.

– Ну что, – смущенно начал Семенов. – Вчера, значит, встал, как обычно, в половине седьмого, – это ничего, что я прямо с подъема?

– Ничего, – кивнул Антипов, – именно с подъема и начинайте. Описывайте все не торопясь, как бы проживая этот день снова.

– Понял. Значит, встал, туда-сюда, ванная-туалет, потом зарядку сделал – это я строго каждое утро, пятнадцать минут занимаюсь, привычка с военного училища, как зубы почистить... Ну вот. Жена ушла на работу, она раньше уходит, ей добираться до места час двадцать. А мне хорошо с Перовской, полчаса на метро – и прибыл. Значит, жена ушла, я кончил зарядку, поставил воду на макароны, побрился, принял душ, дочек разбудил. Им в школу к восьми, их две у меня... Ну, пока девчонки собирались, приготовил завтрак, ну, макароны, сосиски, чай, они поели, убежали, и сразу следом за ними ушел и я. – Семенов перевел дыхание, посмотрел на слушателей, не надоел ли чепухой. Нет, те были серьезны и внимательны, кажется, и день, и ночь могли бы вот так сидеть и молча слушать. Люди привычные, ничего не скажешь. – Значит, пешком дошел до метро, станция «Перово», доехал до архива... Там, как обычно, утренняя инструкция у полковника Шпакина, потом поочередно заходили в кабинет выдачи почты, получали, расписывались в журнале.

– Юрий Леонидович, не обобщайте, – остановил его Медведев, – как начинали говорить про себя – так и продолжайте. И не торопитесь.

– Хорошо, – кивнул Семенов. – Так, до того, как получать почту, мы вышли с ребятами на черную лестницу перекурить. Это всегда у нас по утрам, перекур. Традиция, что ли... Ну, постояли минут десять, о том о сем потрепались... ну, поговорили. Ничего особенного, в основном о том, кто куда в отпуск поедет, да еще про машины.

– А что про машины? – наострил уши лысый. – Подробнее.

– Ну, Славка Борисов... виноват, старший лейтенант Борисов, недавно машину купил, «Ауди-80», – такой, извините, лом, что только взять и выбросить. Ну, мучается с ней, понятное дело, в ремонт уже вложил больше, чем отдал за покупку. Жаловался, что достала она его, машина то есть эта. Ребята советовали продать, пока не поздно, и... извините, хорошенько на эти деньги погулять, чтобы было что вспомнить. Шутили... Да, ничего такого, обычный мужской треп.

– Понятно, – поскущел лысый, черкнув в блокноте. – Продолжайте.

– Значит, вызвали нас за получением почты. Почту мы получаем в специальном кабинете, у майора Решетникова. Заходим по одному. Нас вызывают по списку. На этот раз меня вызвали последним. Значит, я расписался в журнале, получил четыре пакета и список адресов. Там же все уложил в кейс, пристегнул цепочку к руке. Все. Вышел и спустился в гараж, где начальник гаража, майор Дроздов, отправил меня на маршрут с Кузьмичом, то есть со старшим прапорщиком Сергеевым.

– А до этого, насколько я понимаю, вы не знали, с кем в этот день поедете на маршрут? – негромко уточнил Антипов.

– Нет, не знал. У нас такая система, чтобы исключить малейшую возможность утечки информации... – Семенов после этой горделивой фразы вдруг резко осекся, сообразив, что гордиться лично ему нечем.

– Какие еще люди были в гараже? – пропустив это не совсем складное заявление без комментария, спросил Антипов.

– Да кто? – Семенов нахмурился, вспоминая. – Два механика были в дальнем конце, ковырялись с машиной. Майор Дроздов, само собой, по роду службы. Ну и все. Кузьмич оставался последним, – к тому времени все наши курьеры уже разъехались, – а больше никого. Да, еще майор Решетников спустился на минуту, что-то из своей машины забрал. Вот и все. Больше никаких людей вроде бы в гараже я не видел.

Антипов обменялся с лысым долгим взглядом, при этом лысый чуть заметно кивнул. Семенов, не заметив этого, продолжил было рассказ:

– Сел, значит, я в машину, на переднее сиденье, и сразу поехали...

– Скажите, а майор Решетников для чего спустился в гараж? – на этот раз как-то даже ласково задал вопрос лысый.

– Кажется, из своей машины что-то доставал. А что, у него же есть разрешение ставить свою машину в служебный гараж. Такой допуск выдается всем начальникам отделений.

– Ясно, – кивнул лысый и снова сделал отметку в блокноте. – Значит, насколько мы поняли, только майор Решетников знал, что документы в думский Комитет по надзору повезете именно вы?

– Ну да, – подтвердил Семенов. – Он же сам распределяет наряды, смотрит, чтобы у всех была примерно равная длина маршрута.

– Но на какой вы поедете машине и с каким водителем, он не знал?

– Нет, конечно. Это уже в гараже распределяет майор Дроздов. У него специальная тетрадь, а там графики, чтоб два раза подряд курьеру с одним и тем же водителем не выпало ехать. С этим строго.

– А майор Решетников, когда спустился в гараж к своему автомобилю, видел, в какую вы садитесь машину? – не отставал лысый.

– Как понять? У нас все машины одинаковые, черные «Волги» тридцать первой модели, так что заранее ясно, в какой я машине поеду.

– А номер этой машины майор Решетников мог заметить? – уточнил мысль лысого полковник Медведев.

– Нет, – решительно ответил Семенов. – Мы стояли боком, да и до него метров пятьдесят было. Гараж большой, а личные машины стоят у дальней стены, чтобы не мешали выезду и возвращению курьеров. Но он и без этого мог понять, на какой машине я поеду.

– Каким образом, поясните, пожалуйста? – прищурился Антипов.

– Он же видел Кузьмича, а значит, и номер машины мог установить. Это нас на маршрут всякий раз с разными шоферами посылают, а они, шофера, на одних и тех же машинах все время ездят. Подождите... – спохватился наконец Семенов. – Вы думаете, что это майор Решетников?

– Пока трудно говорить, уважаемый Юрий Леонидович, – мягко отвел его вопрос Антипов. – Но то, что у нас есть подозреваемый, можно сказать с уверенностью. Ладно, я думаю, на сегодня достаточно.

Он вопросительно посмотрел на лысого. Тот дописал что-то в блокнот, закрыл его, аккуратно вместе с ручкой уложил во внутренний карман и только после этого согласно кивнул.

– Да, я согласен с вами, товарищ генерал. Два слова на прощание. Хочу вам сказать, капитан, – он снова обратился к Семенову, – что весь наш разговор записывался на диктофон, и вы несете ответственность за каждое произнесенное вами слово. Кроме того, вы обязаны будете пройти проверку на полиграфе – так называемом детекторе лжи. После всех процедур и проверок будет решаться ваша дальнейшая участь.

– Да, я готов... – пробормотал Семенов, испытывая неодолимое желание встать по стойке «смирно», когда генерал неторопливо поднялся со стула. – Все, что прикажут. Только бы побыстрее...

– Не торопись, капитан, – мягко улыбнулся Антипов уже от дверей. – Поправляй здоровье, пока есть возможность. На службе пригодится.

Он вышел в дверь, следом за ним – лысый, после него, ободряюще кивнув Семенову, полковник Медведев, и последним удалился напарник лысого. Два стоявших истуканами молодца подхватили стулья и в один миг выскочили из палаты. Щелкнул дверной замок, в палате наступила полная тишина. Семенов в изнеможении откинулся на подушку, растирая ладонью сильно занывшую грудь, о которой в последний час он ни разу и не вспомнил. Невзирая на довольно чувствительную тупую боль, на лице его появилась и долго не сходила счастливая улыбка, ибо он понял, что самое худшее в его жизни уже позади.

– Значит, Артем Кириллович, начальник отделения спецархива майор Решетников? – сказал негромко лысый, когда вся четверка задержалась на автостоянке во внутреннем дворе госпиталя.

– Видимо, да, – кивнул Антипов. – Все сходится. Майор Решетников распределяет наряды и может назначать курьеров, как ему угодно. Вчера он поставил того, кто должен был завезти интересующий заказчиков пакет, то есть капитана Семенова, последним, чтобы тот не уехал до того, как у него будет возможность спуститься в гараж и установить номер автомобиля. Все рассчитано заранее. Затем он поднялся к себе, сообщил преступникам номер и цвет машины, и на этом его миссия была закончена. Ничего сложного, день как день, действительно трудно что-либо заметить в его поведении необычного. Если бы Семенов не вспомнил, что он «на минутку» спустился в гараж... Как будем действовать дальше, Михаил Андреевич?

– Немедленно берем Решетникова в разработку, – ответил тот. – Только, конечно, очень аккуратно, чтобы те, кто его нанял, ничего не заподозрили. Нам еще нужно узнать, для чего же они все это затеяли.

– Хорошо, – кивнул Антипов. – Я в архиве светиться не буду, мало ли, за Решетниковым ведется наблюдение. Пришлю своего человека, майора Гришина, он войдет в вашу группу и будет участвовать в допросе. Не против такого сотрудничества, Михаил Андреевич?

– Что вы, Артем Кириллович, – улыбнулся Михаил Андреевич. – Мы разведке всегда рады, как говорится, один ум хорошо, а два – лучше.

– Ну, тогда Гришин с вами созвонится. Желаю удачи.

26 июня 2003 г., Москва

Стояло раннее солнечное утро. Жара пока не обрушилась на город, и в легкой утренней дымке он весь сиял могучей красотой. Антипов с высоты своего кабинета, расположенного на восемнадцатом этаже, с привычным чувством гордости и восхищения разглядывая развернутую перед ним перспективу улиц и проспектов. Красивый город! По долгу службы ему довелось побывать во многих известных столицах мира, и он оценил по достоинству их заслуженное величие. Но этот город все же превосходил их своею исполинской мощью и при этом удивительной соразмерностью всех частей и частиц, радующей глаз что старожилы, что приезжего, до того никогда не бывавшего в Москве.

– Значит, заказчиков интересовали документы для думского Комитета по надзору? – сказал Антипов, нехотя отходя от окна и занимая свое место в кресле перед столом, за которым сидели Медведев и Гришин.

– Так точно, товарищ генерал, – подтвердил майор Гришин. – Решетников показал, что две недели назад ему поступило предложение передать заказчикам сведения о том, на какой именно машине будет переправляться этот пакет.

– То есть дату переправки они знали заранее, – сказал Антипов. – Значит, свой человек в Государственной Думе, а именно в Комитете по надзору за исполнением наказаний, точно знал, в какой день им будут доставлены означенные документы, и передал эти сведения заказчиком. Сколько человек состоит в Комитете по надзору?

– Если считать всех, то есть и секретарей, и советников, то наберется с полсотни человек, – ответил Гришин. – Тут зацепиться трудно...

– Дума давно известна своими насквозь прогнившими кадрами, – вставил полковник Медведев. – Там работают на кого угодно, только не на государство. Сколько раз уже передавали ценнейшие сведения на сторону. И доказать что-либо чрезвычайно трудно, скользкие все, как налимы. Попробуй поймай теперь этого крота. С Решетниковым он никак не связан, тот даже не представляет, кем он может быть, на каком уровне работать. Вычислить такого невероятно трудно.

– Да, практически невозможно, – согласился Антипов. – Хотя искать, безусловно, нужно. Ладно, этим займемся параллельно. Так. Что рассказал Решетников о заказчиках? Кто такие? Как выглядят? Может быть, они как-то представились? Назвали какую-то организацию?

– Нет, – покачал головой Гришин. – Полная анонимность. Один человек подошел к нему прямо на улице, предложил поговорить в летнем кафе. Человек самой обычной наружности, славянин, говорит с московским выговором. Предложил сообщить небольшую информацию и предложил за это пятьдесят тысяч долларов. Встречались один раз, потом неизвестный дважды звонил Решетникову по мобильному телефону. Первый раз сообщил, что условленная сумма переведена на счет в «Мосбанке», и назвал номер счета. Во второй раз сообщил, когда будет заказана требуемая документация в Думу, и назвал номер телефона, естественно, мобильного, по которому Решетников должен был сообщить номер автомобиля и время его выезда на маршрут. Решетников по этому номеру позвонил, сообщил требуемые сведения и больше никаких контактов с заказчиком не имел.

– Счет в банке-то хоть проверил? – спросил Медведев.

– Проверил, – улыбнулся Гришин. – И не только проверил, но и перевел всю сумму на другой счет в другом банке, который открыл накануне.

– Подстраховался, значит, – усмехнулся Антипов. – Комбинатор... Он понял, что должен скрупулезно выполнять все наши указания?

– Так точно, ему все подробно объяснили. По-прежнему как ни в чем не бывало ходить на работу, исполнять свои обязанности. Сотрудникам архива пока ничего не говорили, чтобы

исключить ненужные слухи. Те, кто его нанял, наверняка будут следить за ним, по крайней мере первое время, и они не должны ничего заподозрить.

– Решетников не попытается скомбинировать? – прищурился Антипов.

– Нет, – усмехнулся Гришин, – по-моему, это исключено. Кадровый офицер, а как увидел, что по его душу пришли, – затрясся от страха, весь белый стал. Практически в обморок упал... Все твердил, что, если б не финансовые трудности, никогда не пошел бы на это...

– Они все так говорят, – брезгливо вставил полковник Медведев.

– В общем, ждать от Решетникова сюрприза вряд ли стоит, – заключил Гришин. – Сейчас он изо всех сил рвется «загладить вину перед Родиной».

– Что ж, пусть заглаживает, – задумчиво сказал Антипов. – Но с него нам мало навару. Узнать бы, кто в Думе работает на похитителей... Служба безопасности, понятное дело, будет искать и, вероятно, отыщет хвостик. Но и мы не должны расслабляться, несмотря на то что пакет документов, интересующий преступников, к нашему ведомству прямого отношения не имеет. Не следует забывать, что, кроме документов для Комитета по надзору, пропали еще два пакета, и один из них – для закрытой военной лаборатории. Вот на что мы должны обратить самое пристальное внимание. Возможно, – и я бы очень хотел, чтобы оно так и было, – преступники не заинтересовались его содержимым и уничтожили, чтобы не усложнять себе жизнь. Но, учитывая профессионализм и, я бы сказал, особую циничность налетчиков, трудно угадать, на что они способны. Ценность похищенных документов весьма высока, и есть вероятность, что они захотят продать ее третьему заинтересованному лицу из числа наших бывших и нынешних противников. Так что розыск похитителей должен вестись с напряжением всех сил. Майор Гришин, вы по-прежнему работаете в составе следственной бригады ФСБ. Я уже согласовал этот вопрос с генералом Панченко. В случае необходимости, возьмите себе в помощники, кого посчитаете нужным. Жестких сроков не ставлю, понимая сложность задачи, но жду от вас результата.

– Понял, товарищ генерал, – подтянулся Гришин за столом.

– Хотя, – постукивая пальцами по столу, помедлил Антипов, – чую я, что если мы и выйдем на похитителей, то лишь тогда, когда они сами каким-нибудь образом себя проявят.

Начало июля 2003 года

На конспиративной лионской квартире Джелал провел без малого три недели, пока сходил синяк с правого плеча. За все это время он никуда, по приказу Омрана, не отлучался, не считая двух вечерних вылазок в магазин за продуктами. Все остальное время он сидел дома, предаваясь молитвам, усердным физическим упражнениям, изучению по специальному разговорнику русского языка и до одури пялясь в телевизор. Там часто показывали главного врага всех правоверных мусульман – американского президента Буша с хитрыми маленькими глазками, глупо поднятыми бровями и узким ртом прирожденного лжеца. Джелал не понимал, о чем говорят с экрана телевизора американский президент и те, кто его встречает и подобострастно приветствует. Но ему достаточно было видеть их лица – и никаких объяснений больше не требовалось. При виде Буша Джелал замирал, как кобра перед броском, больше всего мечтавая о том, чтобы выпустить в него всю обойму из автомата Калашникова – самого надежного и смертоносного оружия. Но такой возможности у Джелала не было, она могла быть предоставлена лишь самым лучшим – избранным – воинам ислама, а ему оставалось, глядя в телевизор, лишь копить в душе ненависть и бесстрашие, порожденное этой ненавистью. Хотя как знать, может, и он завоюет право на исполнение высшей миссии.

Кроме Омрана, весьма неразговорчивого человека, никто больше в квартире не появлялся. Но Джелал, за год тренировочного лагеря закаленный не только физически, но и морально, нисколько не страдал от вынужденного одиночества. Он четко знал, что его ждет особо важное задание, был посвящен в общий замысел этого задания, а значит, уже являлся одним из тех, кто принимает непосредственное участие в великом джихаде – войне мусульман против неверных поработителей.

4 июля Омран приехал с утра и приказал ему собираться в дорогу. Джелал, услышав это, едва сдержал возглас радости. Наконец-то он двинется к месту выполнения своего первого и главного задания. Не выказав на лице ни тени нетерпения или восторга, как и подобало настоящему воину, Джелал за пять минут сложил в спортивную сумку свои нехитрые пожитки, купленные в магазине секонд-хенд, и вслед за Омраном покинул эту неудобную квартиру. Омран ничего не говорил пока о том, куда они теперь направляются, а Джелал не спрашивал, по уже имеющемуся опыту зная, что в конечном итоге его доставят туда, куда требуется. По дороге он снова жадно смотрел в окно на сверкающие улицы и автомобили. Да, этот мир стоил того, чтобы его завоевать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.